

Дело чести

Быт русских офицеров

СЕКРЕТЫ ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Секреты идеального мужчины

Федор Торнау

Дело чести. Быт русских офицеров

«Алгоритм»

ББК 63.3(2)5

Торнау Ф. Ф.

Дело чести. Быт русских офицеров / Ф. Ф. Торнау —
«Алгоритм», — (Секреты идеального мужчины)

ISBN 978-5-907024-39-7

Офицерство в царской России всегда было особой «кастой», отличающейся как от солдат, так и от гражданских людей. Отстраненность от общества объяснялась, в частности, и тем, что офицеры не имели права присоединяться к политическим партиям, а должны были на протяжении всей жизни руководствоваться лишь принципами долга и чести. Где офицеры конца XIX – начала XX века проводили время, когда могли жениться и как защищали свою честь? Обо всем этом вы узнаете из мемуаров русских офицеров XIX века.

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-907024-39-7

© Торнау Ф. Ф.
© Алгоритм

Содержание

Андреев Николай Иванович	5
Федор Николаевич Глинка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дело чести. Быт русских офицеров

сост. Вероника Богданова

Андреев Николай Иванович
(1792–1870)

Воспоминания офицера 50-го егерского полка

Учеба и формирование

Отец мой, служивший во времена Великой Екатерины в драгунском полку, оставил службу с чином подпоручика и по отставке определился в статскую службу в городе Пскове, где был любим бывшими заместителями г. Беклешовым, Ламсдорфом и Пилем. Женился он в 1784 году июня 17-го на дочери дворянина Мягкова, Елене Васильевне, которой тогда было не более 14 лет. Позднее отец мой перешел на службу той же губернии в уездный город Порхов, где купил себе дом на берегу реки Шелони и где я родился в 1792 году апреля 5-го числа.

В 1798 году старший мой брат Василий был определен в Военно-сиротский дом или корпус, который был учрежден императором Павлом¹. Заведение сие было любимым у Государя. В нем был комплект двухсот и сверхкомплектных до 300 человек. При сем же заведении были солдатская рота и отделение девиц около ста. Директором был назначен любимец Государя, бывший в Гатчине майором, что впоследствии генерал-майор, кавалер и командир, Петр Евстафьевич Веймарн. Корпусными офицерами были дети Веймарна, Александр, Владимир и Иван Петровичи; солдатского же отделения прежде капитан Нолькен, а впоследствии майор Книпер. Директрису у девиц жена директора. Следовательно, вся власть была у одного лица.

Вот настал и мой час. В декабре 1802 года, нарядив меня и брата Нила в зеленые сюртуки со стеклянными пуговицами, в середине коих были из фольги звездочки, и в тафтяные высокие стёганые шапки на вате, в конце коих находились большие пуговицы, обернули нас в заячьи шубы, крытые нанкой. Сборы в дорогу в старину были большие: за полгода говорили, что нужно ехать к Рождеству, за несколько недель соседи прощались, собирали экипажи, служили молебны, повозки были за неделю у крыльца. Люди, Матвей и Минка, ходили взад и вперед в длинных сюртуках, подпоясанные кушаками. За три дня изготовили дорожные кушанья. Настал, наконец, час разлуки – дворня все до единого, не исключая малолетних у матерей на руках, собралась; плач и рыдание сопровождали наш поезд. Не буду описывать дорогу; помню только, что мы везде останавливались в крестьянских избах для ночлега и покормки лошадей. Тогда харчевен или постоянных дворов было мало.

По приезде нашем в Петербург мы остановились на квартире на Песках, близ Рождества, у кофишенка² Щербаева. Праздник Рождества Христова прошел, настал новый 1803-й год; помню, что отец мой, по знакомству со стариком Брызгаловым, служившим в Михайловском замке (это ныне Инженерное училище), имел случай видеть из одного замка великолепный фейерверк, данный на Царицыном лугу в столетие С.-Петербурга. Зрелище было великолепно; но я по молодости лет ничего не мог заметить особенного.

¹ Военно-сиротский дом был учрежден Павлом в Гатчине 28 декабря 1792 года, еще в бытность его великим князем. По воцарении Павла I (1796 г.) корпус был переведен в Петербург. С 19.02.1829 г. – Павловский кадетский корпус, с 25.08.1863 г. – Первое Павловское пехотное училище.

² Кофишенк (кофешенк) – придворный чин смотрителя за кофе, чаем, шоколадом и прочими горячими напитками.

Меня с братом Нилом отвезли вскоре в Корпус, тот же, где был старший наш брат, и родители наши вскоре уехали в свою деревню. Первое время в Корпусе мне было чрезвычайно скучно и единообразно. Нас приняли сверхкомплектно, надели толстые солдатские мундиры; но по просьбе родителей наших мы спали с комплектными, у которых как мундиры, так и все содержание было гораздо лучше сверхкомплектных, у коих было все солдатское.

Обмундировка наша была следующая: поярковая³ треугольная шляпа с шерстяным кордончиком, мундир довольно длинный, зеленый с красным высоким воротником, голова напудрена, сзади заплетены с боков маленькие косички в три прядка, а посередине коса с подкосником, обернутая черной лентой, белая портупея, застегнутая поперек портами, спереди оной медная пряжка, белые суконные исподницы, башмаки тупоносые с медной пуговицей. Нас поместили в 1-й класс, потому что мы знали только читать по-русски, более ничего. Как теперь помню, что в классе нашем были два брата Ганибал, Федор и Иван, весьма черные лицом и телом, с курчавыми черными волосами и большими белыми глазами и зубами. С нами были и солдатские дети в одном же классе. Учителями нашими были солдатские воспитанники из музыкантов.

Директор наш любил удовольствия; для своих детей, кадетов и девиц он учредил домашний театр у себя на дому на чердаке, в коем играли кадеты и его сыновья, они же и женские роли: из них был недурен кадет в женской роли Лямин, который впоследствии взят цесаревичем в конную гвардию юнкером. Костюмы доставались из малого театра племянником начальника театра Казаса, Албертом. Иногда собирались танцевать у директора, и кадеты играли в бильярд. Могли везде кадеты быть в партикулярном платье и всегда по просьбе были отпускаемы домой, часто и не в праздник, девицам тоже был отпуск из Корпуса с родственниками, а часто и со знакомыми... Со мной были в одной спальне племянники директора Александр, Федор и Петр; последний ныне начальник главного штаба и генерал-адъютант. Учителя наши были неважные, и на успехи кадет никто не обращал внимания – до того, что некоторые были в классах, а другие играли на дворе в мяч и чехарду. В 1805 году вышел в отставку наш директор с сыновьями, купив себе хорошее имение в Ямбургском уезде. По увольнении директора Веймарна многие очень сожалели, что лишились отца: так его называли кадеты. После него преобразился совершенно Корпус, отделение девиц переведено в другой дом, солдатская рота в Рамбов⁴, уничтожены сверхкомплектные, все были разделены на две роты. Директором назначен полковник Ген, офицеры даны из армии и гренадеров. Ротными командирами назначили двух капитанов, Эбергарда и Свечина, они оба были строги до чрезвычайности. Эбергард, чахоточный, сухощавый и никогда не улыбался, сек кадет без пощады и, кажется, сам наслаждался, до того, что многих полумертвых выносили в лазарет, а г-н Свечин не уступал злостью и варварством Эбергарду. Они изобрели, чтобы и самые розги были по форме, размачивались и парились в горячей воде. Секли ими на скамейках солдаты, и нередко давали до 700 розог и более. Жестокость сих варваров известна была многим. Дали лучших учителей, перестроили дом, и Корпус принял один вид с прочими корпусами.

³ Поярок – шерсть, руно с ярки, с овцы по первой осени, первой стрижки. Поярковый (поярчатый) – сотканый или сваланный (чаще) из поярку.

⁴ Неофициальное название Ораниенбаума.

Гатчинский военно-сиротский дом, утвержденный в 1794 году цесаревичем Павлом Петровичем (известный также как Павловский кадетский корпус)

Я забыл сказать, что с 1805 года уничтожили на голове пудру и косу, а с 1807 года дали кивера и португею чрез плечо. В сем же году взяли от нас лучших офицеров Клугина и Галченкова в лейб-милицию; но она, возвратясь из Прусского похода, переформирована в Финляндский полк. В сем же году сформирован лейб-уланский полк, из батальона гвардейских егерей сформирован лейб-егерский полк. Директор наш Федор Иванович Ген приказом по Корпусу установил, чтобы отпускаемые в праздник кадеты никак бы не ходили к параду, что бывал у дворца каждое воскресенье; но как обыкновенно всякое приказание впоследствии времени забывается, так же и сие. Я был отпускаем со двора к почтеннейшему семейству Станищевых, куда каждый праздник, по милости, можно назвать, сих благодетелей, я с братом ходил; нас любили и ласкали как ближайших родных. Я утром вышел погулять и, встретясь с кадетом нашего корпуса Зеничем, условился идти в Эрмитаж, куда свободно нас пускали по билетам, которые легко можно было достать, и проходя мимо дворца, видим развод и Государя. Как же пройти и не взглянуть? Мы остановились, но что же? Не прошло пяти минут, как подошел к нам директор, спросил наши фамилии и велел идти в Корпус; всякий может вообразить, каким страхом мы были поражены. И, отойдя от дворца, не рассудили мы вернуться в Корпус, а пошли каждый по своим квартирам и явились в Корпус к вечеру со всеми вместе. На другой день в обед наш пришел директор и спросил нас; мы встали, извиняясь, что ненарочно, но, проходя мимо, остановились. На сие не получили никакого возражения, а вечером фельдфебель Ходовский показал нам письменный приказ директора, в коем было сказано: «кадеты 2-й роты Андреев и Зенич ослушались приказа и были на параде найдены г. директором, за какое ослушание при собрании всей роты наказать их розгами». Я сознаюсь, ночь всю провел без сна. В 9 часов пошли в классы. Куда тут науки и уроки! Меня не помню, что спросили, я не отвечал, хотя по обыкновению кадеты мне подсказывали и давали знать знаками; но я был растерян и за сие поставлен среди класса на колени. В это время входит инспектор Шума-

хер. Увидев меня, повернулся и сказал: «Экой болван!» Но я был равнодушен и думал, что меня будут терзать. Пришла пора, вышли из класса, построили роту, повели обедать. Разумеется, я до обеда не дотрагивался, кончился обед, начали выносить лишние столы (ибо залы у нас не было, потому что дом перестраивался наш, а мы жили в наемном у купца Кочерова, комнаты были малы, рота поместиться не могла), привели всю роту, поставили скамью длинную, явились палачи-солдаты с ужасно длинными мокрыми розгами, и за ними не замедлил прийти главный капитан Свечин; вызвав меня и Зенича на середину, велел прочитать указ. Куря сигарку, он мигнул нам, и я первый повалился на скамью. Не помню, что я чувствовал, пожар, огонь, боль, но, к счастью, оробев, я мало подавал голоса; меня кончили и сняли. Но ужас был Зеничу – несчастный кричал во всю глотку, и его, как имеющего хороший голос, по словам капитана, секли без пощады; считавшие по обыкновению удары прочие кадеты сказали, что мне 80, а Зеничу 533 удара были наградой за любопытство развода.

Мне шел уже 17-й год, но успехи по наукам очень слабы: я был еще во 2-м классе. Я думал: что делать? Офицером буду нескоро, и очень нескоро, разве чрез 5 или 6 лет. Как быть? Блеснула мне мысль: буду проситься из Корпуса в отставку. Решил и написал батюшке о моей болезни и прочее, выдумал многое. Отец мой рассудил и разрешил мне выйти, написав благодетелю моему Станицеву, чтобы употребил все средства меня освободить; а тот адресовался к знакомому ему адъютанту старшему цесаревича Лагоде, и я чрез неделю оставил ненавистный мне Корпус, где я провел семь лет.

Вот я на свободе и нимало не помышляю, что я буду и какую теперь разыгрываю роль. Нанял я недорого подвод и приехал к отцу. Первое его слово: что ты и чем будешь заниматься? Куда думаешь вступить в службу? Я еще ничего не обдумывал, но отвечал: «Как вам будет угодно!» – «Хорошо, живи дома, и что из тебя выйдет». – Я же с первого шагу так соскучился, что не знал, что делать; и наконец, блеснула мысль благая: я прошу отца отпустить меня в Петербург, где я сам определюсь в дворянский полк, называемый тогда волонтерным, из дворян устроенный 1807 года, в коем были дети, старики и отцы с сыновьями. Он состоял при 2-м Кадетском корпусе⁵. Отец мой одобрил мой выбор, благословил и к новому 1810 году отправил меня, дав в дорогу 50 рублей ассигнациями.

По приезде в Петербург, имея свидетельство о дворянстве губернского предводителя, я чрез неделю был принят в Корпус волонтером во 2-й батальон. Явившись к батальонному командиру Энгельгарду, я сознался ему, что был в корпусе Военно-сиротском, оттуда вышел по болезни, и учился математике, знаю читать и писать по-французски и по-немецки, географии хорошо (это я не прибавил, потому что любил сию науку), историю, рисовать, ну словом, что меня учили. Я был принят милостиво и окружен как воспитанный хорошо. Буду офицером чрез 6 месяцев! Я занялся фронтом⁶, в классы не ходил, потому что учились только те, кто не знал читать и писать по-русски и первых четырех правил арифметики. Я уже был в общем мнении профессор, хотя правду сказать только то и знал, чему учили других. Фронт я понял скоро и дождался выпуска, но, увы, тщетны наши надежды! Цесаревич Константин Павлович, узнав, что гг. батальонные командиры берут деньги с кадет и выпускают их чрез два месяца, имея их своими пансионерами и на своем столе, берут с них по 1200 рублей и более, запретил всех прежде года выпускать офицерами. Я должен был оставаться на год, но меня произвели

⁵ Дворянский полк (так наименован в 1808 год, до того назывался Волонтерным корпусом) был сформирован при 2-м кадетском корпусе 14 марта 1807 года. Целью этого учреждения была массовая подготовка офицеров из молодых дворян и студентов гражданских учебных заведений. Ранее дворяне из небогатых семей записывались в гвардейские и даже армейские (особенно кавалерийские) полки рядовыми, создание полка позволяло распорядиться этими кадрами более рационально. После ускоренного обучения воспитанники полка переводились в армию офицерами. По отзывам современников, уровень их подготовки оставлял желать лучшего. 17 апреля 1855 г. Дворянский полк преобразован в Константиновский кадетский корпус, а в 1859 г. – в Константиновские военные училище. За первые 25 лет своего существования Дворянский полк подготовил 9070 офицеров.

⁶ То есть строевой подготовкой, которая служила в те времена важнейшей основой военного дела.

унтер-офицером. В это время определены были в один со мной Корпус и меньшие мои братья Александр и Петр. Житье мне было превосходное против Военно-сиротского: свобода и без классов, стол изрядный. В июне пошли кадеты, в том числе и наш полк, в Петергоф на практический поход. Довольно было приятно, мы были на маневрах с гвардией, наш батальон поместили в Аглицком саду во дворце. Ученье, частые смотры императора Александра и разводы каждый день. Цесаревич любил наш Корпус. Вскоре батальонные командиры были подполковники и полковники с орденами на шее Св. Анны и Владимира; награды частые и щедрые сыпались им. Дали полкового командира, полковника из свиты, Куруту, который был только во фронте командир, а всегда был при цесаревиче, а внутренне распоряжались батальонные командиры. После похода цесаревич представил 8 человек в гвардию, подпоручиками фельдфебелей и прапорщиками унтер-офицеров; конечно, последние были пансионеры батальонных начальников. Нашей 5-й роты фельдфебель А. Арбузов был выпущен в лейб-егерский полк подпоручиком, а пансионер Михайло Александрович Корсаков – в Преображенский прапорщиком. Первый – теперь командир гвардейского корпуса и генерал-адъютант.

Приближалась осень. В сентябре вызывали желающих в кавалерию. Разумеется, я, пробыв 8 лет в Корпусе, объявил желание, которое вскоре назначение переменялось. Из прежних охотников в кавалерию спросили желающих в пехоту в новоформированную дивизию 27-ю. Я от того не прочь. Чрез неделю свели нас, охотников, к цесаревичу в Мраморный дворец, а он к Государю в Зимний, во Владимирскую залу. Царь нас поздравил и велел немедля экипировать, что исполнено было с величайшею скоростью на казенный счет; но как? нитяные кутасы⁷, шарф и темляк⁸, эполеты медные⁹ и сукно кадетское, но и за то слава богу и царю! Я не имел ни гроша, из дому получить не надеялся, что после оказалось справедливо. Я был назначен в 50-й егерский полк 27-й дивизии. Описывать ли восторг и чувство старого кадета, когда я надевал шпагу? Из разных корпусов 100 человек представлены мы были к Государю, который, осмотрев нас, просил служить хорошо, и на другой же день нас выслали из Петербурга, выдав прогоны в Москву. Я, не получив отпуска (ибо никого не отпускали), самовольно заехал к батюшке и, пробыв у него дня три, поехал с ним к дяде Беклешову проститься с сестрами. Через два дня я был уже к дороге к Москве. Батюшка дал мне 150, а дядя 250 рублей на шарф серебряный¹⁰, как он мне тогда сказал. Я имел 400 рублей ассигнациями. Вот все мое богатство было: жить до трети года. Нужно было сшить платье получше. Но все бог справил.

По приезде в Москву явился я к шефу полка (они тогда в каждом полку были) полковнику Николаю Гавриловичу Назимову, который областал меня, сделал батальонным адъютантом и велел всегда у него обедать и пить чай. С сего времени до отставки моей из службы сей добрейший человек мне был вместо отца и был моим благодетелем во многих случаях. Упокой Господь его душу! Он умер генерал-лейтенантом в 1828 году в Тобольске комендантом. Я выпущен был 1811 года, в октябре. Мне отвели квартиру в Спасских казармах близ Сухарева башни, где и полк наш был расположен. Я первый из офицеров явился, после меня из корпусных 2-го Постников и нашего Деянин явились. Формировка полка началась из 3 рот Московского гарнизонного полка¹¹. Люди были не хуже гвардейских солдат, иные и лучше¹²;

⁷ Кутасы – украшение кивера в виде замысловатой оплетки с кистями на концах.

⁸ Темляк – ременная или ленточная петля на эфесе сабли, шашки, шпаги или палаша, надеваемая на руку, чтобы выбитое из руки оружие не падало.

⁹ В связи с массовой подготовкой офицеров для вновь формируемых полков были снижены требования к декоративным элементам офицерских мундиров. Ранее все металлические детали желтого цвета исполнялись из золота, белого – из серебра. Полный комплект офицерского обмундирования обходился в несколько сот рублей. Денис Давыдов, служивший с одним из самых «дорогих», лейб-гвардии гусарском полку, писал: «У нас было больше золота на ташках, нежели в ташках». В ходе наполеоновских войн от этой разорительной для большинства офицеров практики постепенно отошли.

¹⁰ Это вполне реальная стоимость роскошного офицерского шарфа, тканного серебром. Стоимость солдатского обмундирования оценивалась примерно в 12–20 рублей.

¹¹ Согласно <...>, помимо 4 гарнизонных рот, в формировании 50-го егерского полка участвовали также 4 роты 35-го

но офицеров несколько, Боже упаси, которые впоследствии все из полка вышли. В наш полк пришла еще гарнизона Уральского рота с майором Тихоновским и тремя офицерами. Майор сей служил с 1812 года у нас, был добрый человек. После поступили рекруты, и мы к новому 1812 году были сформированы.

Москву я описывать не намерен; да по молодости и ветрености моей замечаний не делал, и занятия мои по службе во весь день того не позволяли. Я имел свободный один вечер, обыкновенно занимался ежедневно: утром из рот соберут к разводу, я рассчитаю, команду разводом, в 11 часов еду за паролем и приказанием к коменданту в Кремль, оттуда, возвратясь, занимаюсь у полковника, у него же и обедаю, в пять часов вечер же мой. Знакомых я никого не имел, исключая почти всей дивизии офицеров, где мы часто встречались в кофейной у Грека или на бегу, что я очень любил смотреть. Вечером были в своей компании или катались по городу. Словом, жизнь моя в Москве была очень единообразна. Дивизия наша была готова. Командовал ею генерал Неверовской, почтеннейший, добрейший и храбрый; бригадные наши были 1-й Ставицкой, флигель-адъютант, полковник, 2-й Александр Яковлевич Княжнин, полковник и нашей 3-й флигель-адъютант полковник Воейков. Дивизия одета была превосходно, люди отличные, корпус офицеров прекрасный. Государь прислал осмотреть и по донесении инспектора полковника Семеновского полка Лихарева дивизионный начальник получил чин генерал-лейтенанта¹³.

В марте-месяце 1812 года мы выступили из Москвы, вся дивизия, и расположились в ближних городах Московской губернии.

Полк наш назначен квартировать в Звенигороде, а наш батальон в Воскресенске¹⁴, заштатном городе, в коем храм, построенный патриархом Никоном по модели Иерусалимского. Квартиры были для нас и солдат очень хорошие, примечательного там, кроме храма, ничего не было, я говел в нем и встречал первый день Пасхи. Храм великолепный, в нем было еще при мне 28 приделов, один главный большой на середине и с боков, стены круглые, похоже на театр, с тою разницею, что галереи внутри храма и за ними приделы. В середине главной церкви большая часовня, разделена на два отделения, в последнем стоит плащаница и освещена свечами и лампадами, сбоку другой стороны еще часовня, гораздо меньше, в ней деревянное изображение Христа Спасителя во весь рост в терновом венке, сидящего на камне в темнице. Галереи в церкви около приделов в три яруса; в главном приделе с правой стороны гора Голгофа, на ней ежегодно бывает напомуновение снятия со креста. С одной из галерей с правой стороны есть вход на колокольню, которая довольно обширна. Оттуда видна деревня Иуды и Вифлеем¹⁵, находящийся от монастыря в ½ версты; дорога к нему обсажена березками. В Вифлееме небольшая церковь поставлена на пригорке, строение каменное, еще цел небольшой дом патриарха Никона очень простой работы, без всяких украшений¹⁶. В монастыре тогда было не более четырех иеромонахов и всей братии с прислугою до 20 человек; при мне даже не было архимандрита, только один строитель. Монастырь очень небогат, и видно, что мало

егерского полка (бывшего Софийского мушкетерского). Пехотные полки дивизии создавались каждый на базе 2 рот кадровых полков и 4 гарнизонных рот, так что считать дивизию Неверовского состоящей из одних рекрут (как это часто делается) нет никаких оснований.

¹² Вероятно, это была особенность Московского гарнизона; обыкновенно личный состав гарнизонных частей оставлял желать лучшего. То, что Андреев пишет об офицерах, было повсеместным явлением, т. к. в гарнизоны часто переводили из армии за служебные проступки, чаще всего – за пьянство.

¹³ Тут рассказчик ошибается. Чин генерал-лейтенанта Неверовский получил в конце 1812 года. Тем не менее за формирование дивизии он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

¹⁴ Ныне город Истра.

¹⁵ Речь идет о знаменитом Новоиерусалимском монастыре. Основатель монастыря патриарх Никон преследовал цель создать подобие Израиля в Подмоскovie, поэтому окрестности монастыря были преобразованы в соответствии с евангельскими ландшафтами. Монастырские деревни, реки и холмы получили подходящие библейские названия.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду так называемый «Скит Никона», сохранившийся до настоящего времени.

бывает посетителей и пожертвований, хотя оный недалеко от столицы, в 63 верстах, которая издревле славилась подавными и приношениями в церкви¹⁷. Там мощей никаких нет. Жаль очень, что если сие великолепное здание и священное для христиан упадет; не знаю, в каком оно теперь виде. Монастырь сей построен в 1 версте от заштатного городка, ныне местечка Воскресенска, в коем строение деревянное, одна церковь, жители – купцы и мещане. В окружности оного деревни экономически очень богатые, крестьяне все – староверы разных сект.

Красное и Смоленск

Апреля 11-го дали нам приказ из полкового штаба, чтобы собираться к полку в Звенигород, оттуда неизвестно куда поход. Вот полк собрался в Звенигород. Сей городок местом положения очень приятен, со множеством гор и холмов. Городничий – старик-весельчак и проказник, к тому же хлебосол и псовый охотник. Недолго пробыли мы в штабе, выстроился полк, отслужили молебен, и нам объявили поход в Гродненскую губернию, в город Новогрудок, на постоянные квартиры. Я постичь не могу, как мало знали мы и начальники наши, которые имели в Москве и Петербурге родство и связи; но никто из них и мы тоже не знали, что идем на кровавую брань, тогда как объявили поход нам на постоянные квартиры. Наполеон, собрав полки всей Европы, был уже в Дрездене, окруженный всеми монархами Европы, исключая нашего, английского, шведского и турецкого, и уже шел против России!

Полковник, подозревая меня, спросил, имею ли я лошадь, как необходимость адъютанта. Я ему сказал, что лошади нет, да и денег одна полтина серебром, он тотчас дал мне свою лошадь с седлом и сто рублей в счет будущего жалованья. Вот я снаряжен совсем, и полк выступил. Что это были за полки нашей дивизии, то таких теперь не выберешь из целого корпуса гренадеров¹⁸. Мы проходили Можайск, Гжатскую пристань, Вязьму, Смоленск и частью Минской губернии, не воображая, что чрез два месяца будем на сей кровавой дороге, устланной трупами человек! Поход был единообразный, довольно приятный. Когда вступили в Белоруссию и Литву, все для меня было ново, все занимало, и наконец достигли мы места назначения, Новогрудка. По прибытии туда отправили квартирмейстеров занять квартиры для двух батальонов, 3-й же батальон на походе в Могилевской губернии был отделен от нас, отошел с обозом, сдан был майору на законном основании и пошел в крепость Бобруйск, как нам сказали, будто для работы, а при полку были 1-й и 3-й батальоны. В ночь прихода нашего приехал курьер от князя Петра Ивановича Багратиона с предписанием, чтобы полки наши к утру были готовы присоединиться к его армии, и тогда мы узнали, что у нас война с французами. До того времени никто не знал. В ночь послали верховых на обозных лошадях вернуть квартирмейстеров, и утром мы были в действующей армии. Шли очень скоро, потому что неприятель шел за нами в 10 верстах. Как снег на голову было для всех нас.

Мы присоединились к армии под названием второй. Полки сии большею частью были вышедшие из Турции, где недавно Кутузов заключил мир с турками. Были 12-я, 24-я и 2-я гренадерские дивизии. Сия последняя была отличная, старые солдаты-усачи, их можно сравнить с гвардией 1805–1807 годов; уже после я по сие время подобных полков не видал ни одной роты и в гвардии. Были у нас Ахтырский гусарский, Александровский, Литовский уланский. Первым командовал Ларион Васильевич Васильчиков, а последним Тутолмин, и Владимирский уланский, весьма дурной полк. Мы шли так скоро, что нередко делали 70 верст в сутки, не имея времени сварить кашицы солдатам, часто навешивали котлы, разводили огни и в мгно-

¹⁷ Из воспоминаний Андреева следует, что монастырю не везло и в старину, но самые тяжелые испытания он перенес в XX веке. В декабре 1941 года он был преднамеренно разрушен фашистами, Воскресенский собор взорван, музеи разграблены. Восстановление монастыря началось вскоре после войны.

¹⁸ Такую характеристику дивизии подтверждает А.М. Дараган в ее биографии Д.П. Неверовского. Она утверждает, что московский губернатор называл 27-ю дивизию «Московской гвардией».

вание варку сию убирали, выливали наземь и продолжали ретироваться. Было начало июня, жар нестерпимый. Мы несколько раз переправлялись через Неман в Могилевской губернии. В больших лесах бывали пожары, зрелище ужасное, для нас трудное и опасное для артиллерии. По дороге обе стороны были в огне. Как нас бог пронес, это непостижимо. Ретирада наша была изнурительная, но за тем отсталыми нашими не пользовались неприятели. Всякий спасал себя и не отставал. Я, частный офицер, не знал плана похода, не мог видеть, почему мы одну и ту же реку Неман переходили на понтонных мостах довольно часто и иногда с трудом, но о сем известно было князю, нашему главнокомандующему. Под местечком Миром была первая свалка у кавалеристов, начали казаки и кончили Александровский и Ахтырский гусарские полки, где последний отличился храбростью. После сего мы почти бежали, получив известие, что наши дерутся в Могилеве на Днестре¹⁹: корпус генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, где отличился дивизионный начальник генерал-майор Паскевич (ныне фельдмаршал князь Эриванский). Мы хотя и прошли 70 верст в сутки и, подходя к Могилеву, слышали близко выстрелы, но они уже были последние, и мы не успели в дело²⁰. Мы или армия наша была отрезана от первой Барклай-де-Толи сильнейшим против нас неприятелем; но гений ученика Суворова, незабвенного князя Петра Ивановича Багратиона вывел нас из беды, и, по трудной ретираде, окруженной со всех сторон, он вывел армию свою и соединился под Смоленском с первой армией. Хвала тебе, герой бессмертный!

Полк наш расположился у стен Смоленска. Первая армия была близ города, на той стороне Днестра. Пробыв три дня, обе армии пошли за Днестром, и наша дивизия назначена в отдельный отряд к городу Красному, куда и пришли на другой день и расположились около одного биваками, с нами был Харьковский драгунский полк и два полка казаков, Грекова и Комисарова. Драгунами командовал полковник Юзефович. Наш один Виленский полк из дивизии остался в Смоленске для занятия караулов²¹, то у нас было только 5 полков пехоты. На другой день утром генерал Неверовской получил извещение чрез казаков, что неприятель показывается в сильных массах. Это было в 9 часов утра августа-месяца. Нас поставили на места, пред городом рассыпали стрелков, весь 49-й егерский полк; наш 3-й батальон в улицах города, поротно. Я был при 3-й гренадерской роте, на большой улице, у входа в город при нас было два орудия тяжелой батареи, прочие орудия сей роты были также по улицам, прикрываемые нашими егерями. В отряде нашем только и была одна рота артиллерии, 8 орудий; три полка пехоты оставались за городом в особых колонах, в поле, нашего полка 1-й батальон с шефом нашим и дивизионным генералом был в резерве, на две версты от города. Мы приготовились встретить неприятеля. Я не буду описывать кампании: мне неизвестна политика, да и что может знать фронтовой офицер? Я пишу о себе. Меня батальонный начальник послал сделать мост как можно скорее. Из города было на прямую линию болото, а дорога круто поворачивала направо. Я, взяв барабанщиков и флейтчиков, разломал ближние старые строения и будки и накинуд живой мост для егерей. В 10 часов утра показались передовые казаки и ска-

¹⁹ Речь идет об известном сражении под Салтановкой 10–11(22–23) июля 1812 г.

²⁰ В 1839 году я служил исправником в Новоржевском уезде и при проезде Фельдмаршала князя Эриванского чрез наш уезд его встретил и рапортовал. Он пред станцией Ашевой шел пешком. Увидя у меня медаль 1812 года, он спросил, где я служил. Ответ был мой скор: «Я служил у храброго генерала Неверовского в 27-й дивизии». – «А знаю! жаль доброго моего друга, – сказал князь, – а помните ли вы, как я под Смоленском вас выручил?» – «Ваша светлость, – отвечал я, – вы не помнили зла, что дивизия наша не выручила вас под Могилевым». – «Да, это правда, что не выручила, – сказал он, – но как могли вы выручить, пройдя и без того невероятно, около 80 верст в сутки? Жаль мне и теперь вашего храброго и доброго Дмитрия Петровича Неверовского!». – Прим. Андреева.

²¹ По свидетельству поручика Симбирского пехотного полка Душенкевича, в Смоленске была оставлена 1-я пехотная бригада 27-й дивизии (Одесский и Тарнопольский пехотные полки). Тем не менее он также считает, что во время боя у Неверовского было 5 полков – 4 собственных и один сводный, из батальонов 42-го егерского и Орловского пехотного полков 26-й дивизии. Некоторые источники называют также Полтавский и 41-й егерский полки. В целом вопрос о составе отряда Неверовского остается открытым; положительно можно утверждать лишь участие 49, 50-го егерских, а также Симбирского пехотного полка, относительно прочих сведения противоречивы.

зали, что ужасная валит сила конницы неприятельской. Мы полагали, что они преувеличили, но вышло справедливо. Я с прочими офицерами пошел на колокольню, откуда увидели из лесу в версте выходящего по большой дороге от местечка Лядов неприятеля, со множеством кавалерийских колонн, и по выходе из леса стали раздаваться по полю вправо и лево; другие шли по дороге к городу²². Вот проскакали мимо нас все казаки и драгуны, егеря 49-го полка сделали выстрелов несколько, и как у неприятеля пехоты не было, то они ретировались и пробежали мимо нас бегом. Едва неприятель стал вступать в город, то был приветствован картечью из орудий и батальным огнем наших егерей. Я был на большой дороге и видел, как несколько неприятельских колонн были опрокинуты. Но они смекнули, для чего терять людей, и пошли в обход города. Что нам делать было, как не ретироваться из города? Стрелки побежали, орудия за ними, и при самом выезде из города на поле мы лишились всей нашей артиллерии. Вот какое было войско неприятеля. Наполеон, оставив наши обе армии за Днепром, пошел прямо со всеми своими полками прямо на Смоленск чрез Красный, и весь его авангард кавалерии, 38 полков, под командою короля неаполитанского Мюрата был послан на рысях занять скорее Смоленск. Это был первый для нас сюрприз. К счастью нашему, что с ними не было пехоты и ни одного орудия артиллерии: так они спешили. Я не могу сказать чувства мои. Быв в первый раз в сражении, я, кажется, ничего тогда не думал, но робел меньше гораздо, как в других сражениях.

Вот разбежавшиеся из города егеря, наш батальон и 49-й полк, по полю рассыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, и те также соединились в одну массу. Я, бывши верхом и видя драгун, в рассыпном строе скачущих по полю с казаками, вздумал было спастись тоже с ними; но, усмотрев, что кавалерия неприятельская преследует их и рубит без пощады, повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал устроить порядок, колонну или каре)²³. Я, возвратясь в толпу, ехал в середине людей и, видя безопасность от наездников польских и французских, иногда любовался их строем. Они одеты были превосходно, лошади отличные, а лучшие у поляков, которые более всех делали на нас атак; но как ни упорны были их атаки, но ничего с нами сделать не могли. Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу, и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя. Поле было широко и ровно; было где разгуляться²⁴. Одна наша беда была, что неприятель не допускал нас выйти на дорогу, которая с царствования Екатерины Великой обсажена в два ряда по сторонам густо березами, что мешало бы более кавалерии близко к нам доезжать²⁵. Взятые у нас орудиями они пускали в нас несколько ядер и картечь и то сперва²⁶, но после, как прислуга и сбруя были ими перерублены, то и не могли тащить орудий, кои и остались на месте.

Выстрелы их отняли у нас до 40 человек, иных ранили, и одному возле меня мушкетеру оторвало руку, но он другою сторяча нес еще ружье. Один польский штаб-офицер на отличном караковом коне четыре раза один подъезжал к нам, когда мы бежали; он преспокойно галопировал возле нас и уговаривал солдат сдаться, показывая их многочисленность и что мы себя

²² То же видел Душенкевич с позиций Симбирского пехотного полка.

²³ По-видимому, Неверовскому поначалу все же удалось устроить общее для всех полков каре, однако оно не было слишком стройным и в ходе отступления смешалось окончательно.

²⁴ Вороновский утверждает, что местность от Красного до Смоленска представляет собой широкие и ровные поля, раскинувшиеся по обе стороны от дороги (*Вороновский В.М.* Отечественная война в пределах Смоленской губернии. Смоленск, 1911).

²⁵ Душенкевич, напротив, утверждает, что березы и рвы помогали укрыться от французской кавалерии; из этого невнятного утверждения многие исследователи делали неверный вывод, что отряд Неверовского отступал походной колонной по дороге. Это чудовищное искажение показаний очевидцев делает картину боя совершенно непонятной и даже фантастической. Тем не менее оно зафиксировано во многих вторичных источниках, в том числе на известной картине Петера Гесса.

²⁶ Душенкевич, напротив, относит действие захваченной артиллерии к финальной части боя.

напрасно утомляем, что все будем в плену. Но он напрасно храбрился: нашей роты унтер-офицер Колмачевский приложился на бегу, и храбреца не стало²⁷. Конь его понесся к фронту. Жаль покойника! Смелчак был! Атаки продолжались, но мы отстреливались. И сказать коротко, что мы были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст²⁸ и каждый шаг вперед оспаривали дракой. В 8-м часу попали мы на дорогу²⁹. Показался вдали лес, а перед ним высокая и длинная гора, параллельно протянутая пред нами, на которой наш дивизионный начальник резерв свой, бывший из одного батальона нашего полка, выстроил в одну шеренгу егерей и остановленных им драгун и казаков с донскими двумя орудиями, кои с высоты по неприятелю сделали несколько выстрелов. Французы, полагая, что резерв велик, пехота и артиллерия, и видя сзади лес и уже близко вечер, остановились, и мы, пробежав мимо своих, начали выстраиваться по полкам, пришли в порядок и пошли лесом к Смоленску, от которого были только в 15 верстах.

Я в Красном купил у казаков французскую лошадь убитого офицера с чемоданом за 55 рублей, которую у человека моего Ивана, взятого из дому (сына конюха), со всем моим имуществом отбили. Он был сзади меня; но как это случилось, я у него не мог допроситься, а думаю, он струсил, увидя неприятеля, и ускакал на другой моей лошади, купленной у казаков, донской рыжей, а заводную верно бросил, и я остался с тем, что было на мне: один только сюртук. Такова судьба войны!

Смоленск 18 августа 1812 года в 6 часов утра.

Гравюра. Христиан Вильгельм фон Фабер дю Фор. XIX век

Потеря вашей пехоты была до 200 человек, артиллерия вся взята в плен, и драгун несколько порублено³⁰. И по делом им. Зачем они бежали мимо пехоты и не присоединились

²⁷ Душенкевич также упоминает одного «храброго французского штаб-офицера», «павшего на штыках». Рассказ Андреева кажется более отвечающим действительности.

²⁸ Реально с боем было пройдено 12 верст.

²⁹ Совпадает с показаниями Душенкевича.

³⁰ Вопрос о потерях не может быть решен с точностью. Сегюр говорит о 1200 пленных и 1000 убитых, что кажется преувеличением. Паскевич утверждал, что дивизия была наполовину истреблена, т. е. оценивает потери в 2000–2500 человек, –

к ней; тогда было им лучше, а неприятелю после каждой ретирады хуже, ибо они могли бы их рубить. Но что делать? Так случилось. Сражение наше есть необыкновенное: без привалов и порядка, не слушаясь начальников (да и кого же слушать?), толпа наша была смешана из разных полков, и сами без команды отбивались и бежали. Всего нас было 9 батальонов, а их, ужас! 38 полков отличной кавалерии и начальник их Мюрат... Ура! 27-я дивизия не поддавалась. Голубчики не трусили и не дали неприятелю торжествовать. Зато, как после узнали, как взбешен был Наполеон на Мюрата! Первое сражение, дивизия молодая, рекруты, но отделились. Хвала и Неверовскому: он остановил стремление неприятеля и обессмертил свое имя сим сражением, выведя свою дивизию, можно сказать, невредимую.

Вечером, в час, 1-го августа, пришли мы к Смоленску. Между тем генерал наш Неверовский от Красного дал знать в армию, что неприятель в больших силах войска свои сосредоточил к Смоленску к битве. Во 2-м часу генерал послал меня за три версты от Смоленска узнать об одной помещичьей даче, занята ли она неприятелем. Мне указали тропинку. Лошадь моя не ела и была измучена до чрезвычайности. Спасибо, полковник наш дал мне свою. Думаю: как ехать? Ночь, лесом мелким, где много тропинок, как я один пушусь? Но в службе отговорок нет. Пустился я, и когда проехал кустарниками две версты, меня останавливает улан в белой шапке, потом другой и третий. Я приготовился шпагу свою отдать, думая, что поляки, но меня спросили, куда я еду и зачем. Я знал, что у нас уланы нет³¹, и целый день насмотрелся на польских; но я отвечал, что еду на дачу, послан генералом. Они меня пропустили. Тогда и я, в свою очередь, спросил их, которого они полка, русские или поляки? Они сказали, что поляки, но служат в России, Литовского уланского полка. Я ободрился, как гора с плеч! Они мне показали пикет, где был офицер, у которого я узнал только, что впереди его казаки и они знают о даче, нужной мне, и был так добр, что дал мне по просьбе моей двух улан для конвоя и показать дорогу. Едва я проехал несколько шагов, на пригорке увидел всей французской армии биваки. Они были освещены огнем для варки пищи, и так близко, что можно было рассматривать, как они сидят у огня или лежат. Дача была занята казаками, но в нескольких шагах и аванпосты французские. Я обернул лошадь и вскоре был снова у генерала в Смоленске, донес ему, что дача занимается казаками и неприятель оттуда недалеко. Генерал приказал мне немедленно взять две роты нашего полка 3-го батальона под командою майора Белявского и отвести на мызу в авангард; но не успели мы пройти версту, как на рассвете увидели отступающих к городу улан, после и казаков. Тогда и мы вернулись к полку.

Смоленская битва

Я уже сказал, что генерал Неверовский дал знать от Красного главнокомандующему, что неприятель идет к Смоленску. Посему немедленно был послан корпус Раевского и пришел к свету в Смоленск, а часть кавалерии ночью; оттого я и видел Литовский уланский полк. Раевский принял и нас в команду, сам остановился у Малаховских ворот и поставил на возвышенности батарею. Неприятель с рассветом дня сделал сильный натиск на город множеством

но эту цифру он приводит со слов адъютанта Неверовского, высланного вперед прямо из боя; точной эта цифра быть не может. Богданович приводит цифру в 800 пленных и 700 убитых, но никак ее не объясняет. Судя по тому, что 27-я дивизия отнюдь не потеряла боеспособности и через пару дней активно сражалась в Смоленске, к малой цифре потерь, сообщаемой Андреевым, следует отнестись со вниманием. Она тем более заслуживает внимания, что Душенкевич также не сообщает о значительных потерях и уверяет, что французы потеряли намного больше (по французским данным – 500 человек). В любом случае, значительная часть потерь лежит на драгунах, казаках и артиллерии, пехота же действительно могла понести самые ничтожные потери, отражая атаки холодным оружием в сомкнутой массе и не подвергаясь почти действию ружейного и артиллерийского огня.

³¹ Уланы – традиционный польский вид кавалерии, популярный, впрочем, и в других армиях, в том числе и в русской. Литовский уланский полк включал в себя много солдат и офицеров польского происхождения, сохранивших верность России наряду с русскими. Среди последних можно назвать поручика Александрова (известную кавалерист-девицу Н.А. Дурову).

стрелков; прежде сего пустил в город множество ядер, бомб и гранат, так что город во многих местах загорелся. Дело сие было на рассвете. Наш 1-й батальон, бывший под Красным и в ретире от оногo в резерве, поставлен в огороды, в стрелки; но как неприятельских стрелков было гораздо более, то наш несчастный батальон из тысячи человек³² в течение ¼ часа вышел едва ли с 300 человеками: остальные были переранены, так что и одной роты нельзя было набрать³³. Он и оставался где-то в городе оба дня сражения. Неприятель обложил весь город по Днепр. Наша первая армия стояла на горе за Днепром, а вторая билась два дня упорно, так что из первой армии дан был сикурс: 3-я дивизия Коновницына и лейб-егерский полк. Это угодно было цесаревичу, который сам был при первой армии. С начала сражения наш батальон отправился на правый фланг города или за город к кладбищу. Мы были весь день в стрелках по мелким кустам. Я был послан к генералу Раевскому просить помощи, ибо мы с 4 до 10 часов утра были одни и потеряли значительно людей, к тому же по обширности места удержать неприятеля не могли. Генерал приказал из дивизии принца Виртембергского полку Киевскому идти со мною, а после полудни была не только наша дивизия, да и много пехотных полков на пункте том, где мы несколько часов держались с батальоном. Отрядом нашим командовал генерал Оленин. Хотя я постоянно не был в стрелках, но по обязанности адъютанта водил по очереди из резерва роты в стрелки, что еще хуже: я был на лошади и в невысоких кустах мог быть верною целью. Весь день сражались неимоверно стойко, но к вечеру не могли вынести сильного напора и ретировались в город. Тогда генерал Оленин остановил бегущих, велел вывести орудие на улицу. Люди остановились и прогнали неприятеля, а драгуны после dokonчили, и на ночь город остался за нами. С рассветом на другой день также потеха возобновилась, но нас посылали только четыре раза в стрелки; батальон убавился более половины. Два ротных командира наповал были убиты; один из них убит возле своего дома, поручик Кунцевич, двое тяжело ранены, а прочих офицеров со мною на лицо из 21 оставалось 8.

Мы отдыхали на валу городском и смотрели, как сильно колонны подвигаются во множестве к городу; ибо нам и кусты все были видны с возвышения, как на тарелке. Утром, часов в 11, командир Одесского полка полковник Потулов, увидев меня сидящего с офицерами на земле, пригласил к себе закусить. Мы выпили водки и съели хорошей ветчины и телятины. Он очень был грустен, сказал, что вчерашний день у Малаховских ворот убили его любимую лошадь, и, взяв меня и адъютанта своего Аксентьева за руки, пошел ближе к валу, где у нас стояли пушки, посмотреть, как смело поднимаются на гору французы; но едва успели мы подойти к концу горы, как несчастный полковник был убит наповал, держа нас за руки. Пуля прошла в грудь навывлет в сердце, и он не сказал ни слова. Степан Степанович Потулов служил прежде капитаном в Преображенском полку, полковником произведен там же и назначен шефом Одесского полка, был умен и необыкновенной доброты. Весь полк о нем плакал; об офицерах и говорить нечего: он их баловал и был отцом для них. Тут же его и похоронили у стены Смоленска. Верно, родные впоследствии сделали ему памятник, но память о нем долго оставалась и по преданию в полку.

Сражение продолжалось до поздней ночи два дня, равно упорное, и удивительно, как могла наша вторая армия, из 6 дивизий с небольшим, держаться так долго в стенах Смоленска. Город не был укреплен, кроме что имеет каменную стену, почти такую же, как в Пскове. Первый день приступа неприятели по большей части все были поляки и итальянцы; но на второй – всех племен. Зрелище ужасное! Город горит, людей бьют, крик, стон, стукотня и трескотня с пожаром, и это до того присмотрелось, что мы могли есть и спать, не думая ни о чем. Под вечер вынесли из собора образ Смоленской Божией Матери, которая и была при армии не знаю

³² В полном батальоне, вместе с гренадерской ротой, должно было быть около 640 человек, если гренадеров не отряжали в сводные части, что делали весьма часто. Численность действующих батальонов обычно не превышала 500 человек. Возможно, Андреев все же имеет в виду полную численность своего полка.

³³ Еще одно странное место – в полной роте насчитывалось около 160 человек. Если речь идет все-таки о полке, это место следует читать «так что нельзя было и роты набрать на батальон».

долго ли, но пред сражением Бородинским 25 августа ее носили по рядам солдат обеих армий. Ночь с 5 на 6 августа все было тихо, батальон наш был в передовой цепи на том же месте, поротно. Я не спал и вздумал проехать вдоль реки к мосту. Не знаю, что меня завлекало видеть руины и узнать, будет ли или есть ли первая армия в Смоленске; ибо мы все роптали, что армия за городом хладнокровно смотрит на бой, а нам худо держаться. Подъезжая к мосту, вижу, что проходит войско. Я подъехал на мост, и штаб-офицер свиты его величества спрашивает у меня, нет ли там войска, откуда я приехал? Я сказал, что других не знаю, а есть наш батальон в цепи на правом фланге. Он просил меня скакать и велеть батальону немедля бегом прибыть сюда, ибо армия выходит из города и что он сей час зажигает мост, прежде чем будет рассветать, чтобы мост был уничтожен. Я, прискакав, объявил нашему майору Антонову, который долго не решался оставить без приказа своих начальников свой пост; но по убеждению моему велел подвигаться. Через четверть часа прискакал адъютант наш навстречу с приказанием идти бегом, что мост сожгут, и едва мы перебежали оный, как его взорвали, но бывший пред нами взвод Одесского полка, которому не дано было знать, и, быть может, и еще подобные остались: так и взяты в плен. Там был мой знакомый поручик Крутов; но я не знал тогда, и было каждому до себя. И так по случаю, что мне вздумалось проехаться, наш батальон и я спаслись от плена. То было Провидение Всевышнего. Я, проводя последний день в стрелках, был удивлен по возвращении на место к батальону: опустив руку в карман и вынув табакерку, заметил, что она разбита вдребезги, над карманом пробито. Осмотрел лошадь и нашел сзади в седле пулю, завязшую в обруче железном, а у казенной моей лошади в первый день сражения отбило копыто, когда я ее вел в поводу, указывая место 8-й роте, где наши стрелки. Сражение каждое есть велико для того, кто участвует в нем, потому что и одним выстрелом может повалить, как говорят, виноватого. Не умолчу об одном случае и верю, что есть предчувствие. У поручика 8-й роты нашего батальона была тетка, и у нее на форштате³⁴ свой дом. После сражения стрелки сменяются для отдыха довольно часто, тетка его приносила ему и нам завтраки, и он более 15 раз в два дня был в стрелках с удовольствием, брал пленных, был примерной храбрости офицер, в последний же раз около вечера пришла его очередь, он пошел к майору и убеждал его не посылать. Майор спросил, не болен ли он? – «Что ж, Иван Дмитриевич, я совершенно здоров; но тоска ужасная, идти не хочу, робость напала». Тот его убеждал и просил идти, сказывая, что ему будет стыдно и что он его за храбрость под Красным и в Смоленске представит к Владимиру с бантом. Пошел Кунцевич и против обыкновения простился со всеми нами, но едва рассыпались его стрелки, как был поражен пулей наповал. Я велел после его искать, чтобы похоронить, и что же? Его вечером принесли всего ограбленного: сапоги, сюртук и все сняли французы. Мы его похоронили на дворе его дома. Несчастливая тетка его, бедная женщина, была неутешна и с нами вышла из города, а после мы ее потеряли из виду. Еще такой же был случай с прапорщиком, и тот убит!

Мы пошли из Смоленска, и на рассвете уже неприятели заняли город и отыскивали переправы; кажется, что они простояли в нем дня два.

Бородино и переформирование

Выйдя из Смоленска, мы шли по дороге в Петербург, хотя небольшие переходы, но дня три. Обозы наши были на Московской дороге, и мы продовольствия никакого не имели. Я ходил просить в полки нашей дивизии, но ни у кого не было хлеба; достал у иных круп, у других мяса, сварили кашу, но хлеба ни сухаря не было ни у кого. После мы повернули на Московскую дорогу, где отыскивали наши обозы, и после 3 дней очень рады были солдатскому сухарю. Не доходя Вязьмы, я узнал, что меня произвели в подпоручики, но не за отличие, а

³⁴ Форштадт – гражданский поселок при военной крепости.

по линии, и я в этом чине в военное время более 4 лет служил. Меня представили к орденам, за Красное – к Св. Анне, на шпагу, а за Смоленск – к Владимиру 4-й степени, но не знаю, как это устроилось, что за оба сии сражения не дали нашей армии ни одному человеку, даже генералам, ничего. Многие сказывали причину, но я думаю, что она недостоверна: будто бы князь Багратион не мог сам утверждать наград, а должен был представлять об оных к Барклау де Толи, чего он не хотел. Но как бы то ни было, а сие осталось нерешенным, почему нам ничего не дали, хотя нашего Невяровского за Красное дело обессмертили. Но ни он, ни мы, никто не был награжден, а за Смоленск следовало бы. И представления наши умерли вместе с князем³⁵. Под Вязьмою дали нам рекрут из Вяземского депо. Тут я виделся с братом Василием. В Вязьме мы запаслись провизией даром. Жители все оставили город; нас или полк наш назначили в арьергард, что при ретираде означало сзади всех и всегда в виду неприятеля, в цепи стрелков.

Нашим арьергардом командовал граф Сиверс, а первой армии генерал Коновницын. Придя в Царево-Займище, мы узнали, что наш общий главнокомандующий – Кутузов. Много было пустых толков, да когда же и где их нет? Говорили, что Барклай – немец, изменяет, ведет француза в Москву, мало дерется, отдает города даром. Все подобные глупости беспрестанно повторялись, и очень рады были Михаилу Илларионовичу Кутузову.

Армия наша, кроме двух дней после Смоленска, везде имела продовольствие отличное: хлеба, мяса и вина всегда было довольно, даже с избытком. Спасибо командирам-отцам, мы были сыты вдоволь. Поговаривали, что Кутузов, приняв армию, даст потешиться нашим и остановит француза; но впоследствии оказалось, что Наполеон очень желал чаще сражений и бесился, что мы отступаем без боя, полагая своим множеством народа уничтожить нашу небольшую армию. Ошибся голубчик в расчете, сам себя скорее уничтожил. Кутузов и подлинно хотел дать сражение в Царевом Займище, но нашел, что позиция невыгодна, и отступил до Бородина, близ города Можайска в 9 верстах, а от Москвы в 90.

Я был послан в обоз привезти патронные ящики и продовольствие провианта, когда, возвращаясь обратно с ящиками и фурами и проезжая по дороге мимо Бородина, увидел множество возле харчевни генералов и офицеров. Я был позван к Кутузову, который сидел в сенях на скамеечке, окруженный большой свитой. Наряд мой был щегольской: шапка без козырька, старый изодранный сюртук, подпоясанный шарфом без кистей, чрез плечо на ремне нагайка казачья, сабля у бедра и на тощем большом рыжаке. Я походил на рыцаря печального образа. В заключение сей экипировки была на плечах обгорелая на биваках байковая желтая бурка, я соскочил с рыжака, отдал его держать фурлейту, а сам подошел к главнокомандующему. Почтенный старик спросил меня, которого я полка, куда везу ящики и где наш полк? Я отвечал, что 50-го егерского полка, везу для бригады порох и хлеб, что полк наш в арьергарде второй армии. Он мне сказал, чтобы я ехал с его адъютантом, который покажет мне, где я должен остановиться и дожидаться своего полка, не трогаясь с места. Меня повели, и я рассматривал место и войска. Возле главнокомандующего, помню, был 1-й лейб-егерский полк, далее гвардия в колоннах, за ней первая армия, а после и наша вторая. Местоположение было первой армии очень возвышенное, внизу овраг и речка с кустами, а наше гораздо ниже и лес сбоку и пред нами. На месте, где я был остановлен, была батарея, называемая Раевского; место возвышенное, и тут я нашел уже полк наш отдыхающим. Привезенный провиант и вино были разобраны, но много вина еще оставалось, как неприятель начал посылать к нам из орудий большие круглые гостинцы. Вино³⁶ привозили обыватели, которые плакали, чтобы я их отпустил скорее и при каждом выстреле наклоняли головы свои. Я спросил у полковника, куда девать вино, его много. Он велел дать по другой чарке людям, а остальные бочки разбить, чтобы не

³⁵ В.А. Афанасьев пытается доказать, что награды вышли одновременно в 1813 и 1814 годах, ссылаясь на данные из доклада Барклая де Толли 22 апреля 1814 г. в Париже за дела 2, 4, 5 и 7 августа (Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского (1771–1813) под ред. Генерального штаба полковника В.А. Афанасьева, СПб., 1911).

³⁶ Речь, конечно, идет о «хлебном вине», т. е. водке.

перепились люди. Я исполнил и велел обручи рубить. Вино потекло, полилось, как 26-го числа кровь людей. Крестьяне, бросив телеги, а другие лошадей своих, бросились бежать.

Это было 24 августа в 2 часа пополудни. Не успели люди еще поесть, как приказано батальону идти в стрелки.

Бородинская резня

Описывать битву сию, незапамятную в истории, хотя бы я мог, узнав подробности ее после и читая описания многих очевидцев, но это будет лишнее: я пишу о себе, следовательно, и довольствуюсь тем, где я был и что сам видел.

24-го числа, как я сказал, в 2 часа не успели наши закусить, как батальон наш пошел в стрелки; а 3-я гренадерская рота подвинулась от полка вперед, но стали возле опушки леса, где и я был. Стрелки наши были в лесу часа три. Тогда неприятели правее нас стали показываться колоннами на поле. Нашей дивизии Тарнопольский полк пошел колонной в атаку с музыкой и песнями (что я в первый и последний раз видел). Он после бросился в штыки в глазах моих. Резня недолго была, и полкового их командира ранило в заднюю часть тела навывлет пулею. Его понесли, и полк начал колебаться. Его место заступили, полк остановили, и он опять бросился в штыки и славно работал. После остановились, прогнали неприятеля, и нас сменили. Не знаю, что было после; но опять подошли к Раевского батарее, что было на конце левого фланга всей армии. Тогда ходили еще в атаку Александрийский и Ахтырский гусарские полки и храбро дрались из-за нас. На ночь мы опять пошли в стрелки и стояли смирно, а 25-го числа утром сменены были 49-м егерским полком, но ненадолго. После весь полк был несколько раз в стрелках и много потерял, а 49-й еще и более нас: у них потеря была очень велика. Во всей армии 25-е число было тихо, кроме нас. На левом фланге стрелков никто не замечал, а у нас в бригаде едва ли осталось по 30 человек в роте.

С 25-го на 26-е в ночи, близко нас, у неприятеля пели песни, били барабаны, музыка гремела, и на рассвете увидели мы: вырублен лес, и против нас, где был лес, явилась огромная батарея. Лишь только была заря, то зрелище открылось необыкновенное: стук орудий до того, что не слышно было до полудня ружейного выстрела, все сплошной огонь пушек. Говорят, что небо горело, но вряд ли кто видел небо за беспрестанным дымом. Егеря наши мало были в деле, но дело везде было артиллерийское, с утра против Нея, Мюрата и Даву корпусов. Наша дивизия была уничтожена. Меня опять послали за порохом, и я, проезжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненых и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища. А стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало, и сие было непрерывно. Много о том писали и всем известно. Тут перо мое не может начертать всей картины. Проезжая поле, я увидел лошадей нашего полковника и спросил у музыканта Максимова, где полковник, не убит ли? К счастью, тот показал, что тут лежит, жив; он не сказал, а показал пальцем. Я подошел к нему, и он с горестью сказал, что полка нашего не существует. Это было в 7-м часов вечера. Я отослал ящики назад, а сам поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Бурмина, у которого было 40 человек. Это был наш полк. Он велел сих людей вести в стрелки. Я пошел, и они мне сказали: «ваше благородие, наш полк весь тут, ведите нас последних добывать». Доподлинно, взойдя в лес, мне встретилась картина ужаснейшая и невиданная. Пехота разных полков, кавалерия спешившая без лошадей, артиллеристы без орудий. Всякий дрался чем мог, кто тесаком, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужас! Мои егеря рассыпались по лесу, и я их более не видал, и поехал к деревне Семеновской. Был уже 10-й час, пальба пушек не переставала с той же силою. На дороге я видел колонны русских и французов, как в игрушках согнутые карты, повалены дуновением ветра или пальцем. Картина ужасная. Но сердце

замерло: ни одной слезы о несчастных! Наткнулся я на брата, который сказал, что он ранен в ногу. Я поделился с ним куском баранины³⁷, доставшейся мне от казначея Толовикова, когда я ездил за патронами. Возле деревни встретил я дивизионного начальника, который мне велел, где увижу, собирать к деревне Шевардино его дивизию 27-ю.

В 11 часов была дивизия собрана, всего до 700 человек. В Одесском командовал поручик, в Тарнопольском фельдфебель, и так далее; в нашем полковник и три офицера со мною.

В полдень 26-го я с капитаном нашим Шубиным поехал на пригорок, где слышался необыкновенный шум, и что же? Мы видим: два кирасирских полка, Новороссийский и Малороссийский, под командою генерал-лейтенанта Дуки, пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их не валила, но хотя половиною силы, они достигли своей цели, и батарея была их. Но что за огонь они вытерпели, то был ад! За любопытство наше капитану Шубину оторвали правую руку, но, впрочем, на все судьба: это могло бы, и не трогаясь с места, быть; от сего отделаться нельзя. Мы видели, как Семеновской полк, несколько часов стоя на позиции, не сделав ни одного выстрела, был ядрами уничтожаем. Я видел, когда сняли незабвенного нашего князя Багратиона с лошади, раненного в ногу, и как он был терпелив и хладнокровен: слезал с коня в последний раз и поощрял солдат отмстить за себя. Помощник Суворова, бывший с ним в Италии и Швейцарии, командовал всегда авангардом и, наконец, бывши главнокомандующим, не берег себя и по привычке был в сильном огне. Он не вынес раны и вскоре умер. Царство ему небесное! Армия много в этот день потеряла хороших генералов: утром убило Тучкова, в полдень Кутайсова, начальника артиллерии, и многих очень. И граф Милорадович поспел на веселый пир. Он пред сражением привел резервы. Граф Воронцов командовал возле нас сводными гренадерскими ротами двух батальонов³⁸; в числе сих были и нашего полка. Ночь прекратила побоище неслыханное в летописях, и мы пошли к Можайску. Да и неприятель отступил. Скелеты полков нашей дивизии поступили к графу Милорадовичу в арьергард.

За Бородино дали мне на шпагу Св. Анны 3-й степени, и два еще капитану и прапорщику. Вот наши и все награды за всю Русскую кампанию. Полку серебряные трубы, полковнику Св. Анны и Владимира 3-й степени на шею.

Я забыл сказать, что 26-е число Московское ополчение стояло в колонне сзади нас на горе; их било ядрами исправно, и даром. Главнокомандующий сделал славное из них употребление: поставил их цепью сзади войска, чтобы здоровые люди не выносили раненых, а убирали бы ополченцы. Сделано славно, но безбожники грабили раненых, что я сам видел, везя патроны в полк, и трем саблюю от меня досталось по спинам плашмя. Этими молодцами после сражения укомплектовали дивизию нашу, с оружием бог знает каким: кто имел пику, кто бердыш, у иного ружье, пистолет и нож, а кто был с дубиной. К нам дали их офицера в треугольной шляпе, который вскоре и бежал. Да и войско его дошло с нами только до Москвы, а после и десятой части их не осталось: все разбрелись, дружки³⁹.

От Можайска до Москвы мы не дрались, только иногда кавалерия, всегда сзади нас шедшая, переведывалась помаленьку. Мы подошли к Москве, остановились на Воробьевых горах. Вид чудесный! Вся старушка-Москва под ногами. Я, быв в Москве зимой, не был на горах сих и в первый раз любовался местоположением прелестным. Пробыв там почти сутки, я был

³⁷ Выходя раненым (тоже в ногу) из оставляемой войсками Москвы, Душенкевич также наткнулся на брата, служившего в другом полку. Вообще, некоторые параллельные свидетельства участия в сражениях совпадают едва ли не текстуально, интересно в этом смысле сравнить, например, описание собственных приключений при Гейльсберге двух уланов – Н.А. Дуровой и Ф.В. Булгарина. Возможно, это дань общей литературной моде, диктовавшей некоторые «беспрюирышные» сюжетные ходы. Спустя много лет память услужливо подставляла мемуаристу именно такие, «литературные» эпизоды.

³⁸ Как следует из текста, в состав сводной гренадерской дивизии при Бородине были отобраны гренадерские роты 2 действующих батальонов из каждого полка, помимо гренадерской роты запасного батальона.

³⁹ Андреев не единственный, кто говорит о невысоких боевых качествах ополчения.

послан по дороге Владимирской отыскать обозы наши и 49-го полка, взять фуры и, нагрузив их в магазине в Москве, доставить в полки. Верст за 20 от Москвы нашел я обоз и на рассвете был в Москве. Там ожидало меня новое зрелище. Магазин был заперт, караула нет, армии я не нашел; куда пошла, мне неизвестно, да и кто знает, куда ведут начальники? Ломать печати и замки беда, без хлеба ехать еще хуже. Я решился, однако, нагрузить фуры и поехал за толпою народа, который, вероятно, выезжал и выходил туда, куда пошла армия, к городу Подольску. Вообразить себе можно, какая давка и теснота была в Москве на выездах.

Жители были до того времени покойны и не выезжали, пока армия оставила Москву. Я видел сию тревогу и с 10 часов утра до 7 вечера с трудом с 8 фурами выехал за заставу. Отъехав с версту, вижу, что за мною выехала наша арьергардная кавалерия, в том числе были гвардейский⁴⁰, гусарский, уланский и драгунский полки с пиками (гусаров я еще первых увидел с пиками⁴¹); полки сии были очень невелики. Вскоре раздался залп из орудий неприятельских; это означало их вступление в нашу столицу, но для чего, я не знал: войска нашего там не было. Граф Милорадович сделал договор с Мюратом выпустить наши остальные войска из Москвы. Я продолжал путь и, отъехав 15 верст, уже ночью, увидел сильное зарево в Москве; белокаменная запылала. Но огонь ее очистил Россию от французов скоро: нет худа без добра. К свету настиг я на привале свой полк. На другой день шли к Подольску и повернули после круто на Калугу. Мы еще были в арьергарде, но, остановившись у села Воронова (Растопчина графа), мы уже были в авангарде: ибо ретироваться с сего пункта перестали. Граф Растопчин, истиннорусский, сжег сам свое село⁴², чтобы нога неприятеля не ступила в его строение.

Дивизионный наш Неверовский просил графа Милорадовича, чтобы сменил дивизию его, разбитую до невозможности, сказав, что она без обуви, не имеет времени починиться, да и силами ослабела, всегда под выстрелами от Смоленска. «Знаю, ваше превосходительство, что дивизия ваша ослабела силами, но зато тверда духом!» – отвечал граф, и Неверовскому не оставалось более, как благодарить за честь, которую ему делает граф⁴³. Церемония кончилась, а мы все остались в авангарде. Мы были еще в драке у реки Красной Пахры, и сия была уже для нас последняя. Подойдя к Тарутинскому лагерю, полки наши дошли до совершенного ничтожества: в нашем оставалось до 300 человек и 6 офицеров. Главнокомандующий уменьшил дивизию: из шести полков по два послал формироваться. Из нашей дивизии назначили Тарнапольский и наш 50-й егерский. Людей мы сдали в 49-й, оставив только 40 человек и полковой штаб. У нас было музыкантов с барабанщиками вдвое, чем весь полк. Наш бригадный Воейков просил меня идти к нему в адъютанты, ибо его адъютанта произвели в майоры. Я посоветовался с полковником, который мне не присоветовал, а взял с собою. Не знаешь, где найти и где потерять. Хорошо, что я не пошел к нему: он был бригадный одного полка и вскоре по болезни уехал в Петербург, и мы более о нем не слыхали: пропал без вести! По названию у нас все был полк, хотя 40 человек, но штаб был полка налицо.

Мы прошли Тулу и пошли в Нижегородскую губернию в исходе сентября. В каждом городе мы шли церемониально с музыкой, и когда проходили, то жители всегда спрашивали, где же полк? И мы показывали на наши остатки. Нас принимали везде, как родных; расспросов, разговоров не было конца. Стало уже холодно, и мы в ноябре пришли формироваться в город Ардатов, а главнокомандующий наш, генерал от инфантерии князь Лобанов-Ростов-

⁴⁰ После слова «гвардейский», вероятно, выпущено слово «корпус». Перечисленные гвардейские полки входили в состав 1-го резервного кавалерийского корпуса под командованием графа Ф.П. Уварова.

⁴¹ При всей сумбурности, эта фраза весьма интересна, если ее понимать как «видел впервые с пиками». Перед войной первой шеренге гусар было приказано иметь пики; но на практике, видимо, это исполнялось только в гвардии.

⁴² Вернее, усадьбу.

⁴³ Произносить напыщенные «исторические» фразы было очень в характере Милорадовича, который сознательно соревновался в сем искусстве со своим непосредственным противником, маршалом Мюратом. Об этом можно прочесть в мемуарах Ермолова.

ский, жил в Арзамасе; и кавалерийский же генерал Кологривов в Орле. Житье нам было в Ардатове! Скитавшись от апреля до 15 октября под открытым небом возле костров бивачных и быв беспрестанно в это время в опасности, можно вообразить, каково нам было! Городничий, судья, исправник, соляной пристав и откупщик Анцов – все люди богатые. У последнего была моя квартира, прекраснейшая, лучшая в городе. Пирь беспрестанные, разгулье молодецкое, и еще узнали, что француза погнали по старой разоренной дорожке. То-то была гульба! Раненые солдаты и офицеры к нам прибывали. Рекрут нам дали молодцов нижегородских. И мы с 15 октября до 1 декабря почти сформировали полк. Много прибывало и раненых, офицеров же не было половины комплекта. Мне дали 3-ю гренадерскую роту. Формировка продолжается сама по себе, а вечерами гульба ужасная. Вот что было у нас, пили напропалую. Музыканты отказывались от Цымлянского и выморозков⁴⁴. Очень я доволен был, что избавился от адъютантской должности: на месте все бы ничего, а походом каторга; было время, что сам не раздевался и лошадь не расседывал по два месяца. Полковой адъютант в канцелярии и батальонный, по приходе на место, наряжать должен команды за дровами и водой с офицером, после ехать в дивизионную квартиру за приказанием, а нередко и в корпусную. Поди, отыщи и там дождись, пока приказы будут. Их нужно выписать и отвезти к начальству, к бригадному и полковому, после собрать фельдфебелей, отдать приказание, а глядишь, уже свет и в поход. Спал я часто верхом, и сбоку солдаты придерживали; хуже не было в полку должности моей. Хозяин мой Ардатовский был большой хлебосол, гости и офицеры у него безвыходно были, я ему был как брат, и старший. Езжали к нему часто соседи, живущие в трех верстах от города, семейство Бухваловых, состоящее из старой вдовы, ее сына и двух дочерей. Сын пошел в ополчение, но я его еще застал дома. Меньшая дочь, Марья Федоровна, очень мне понравилась. Я, отдохнув, забыл про беду и влюбился. Девушка хороша, думаю я, за нею 60 прекрасных душ. Мне, правда, ровесница, 21 года; что же, жениться не худо, ежели пойдет. Сказано – и сделано. Я объяснился с моим хозяином (большим другом семейства Бухваловых), он одобрил. Я чрез два дня посватал и имел полный успех. Вот я и жених, меня любят, ласкают, и я как сыр в масле. Что же? Узнаёт мой добрый полковник – залучил меня в свой кабинет и начал журить по-отечески. Он мне сказал: «Что ты, брат Николай Иванович, задумал? Ужели ты век прожил; какого ты чина? Какое теперь у нас обстоятельство? Правда, девушка хороша, но что же дальше? Ты очень еще молод, поспеешь жениться; а теперь что же будет? Отставки тебе в военное время не дадут; но хотя бы и дали оную, какую ты играть будешь роль в 20 лет в отставке? Подпоручик, имеющий Св. Анны на шпаге и медаль. И тебя выберут в заседатели в земский суд, привяжешь колокольчик к дуге, и вот блестящая твоя карьера. Того ли ожидает от тебя твой отец? Вот послужил сын его Отечеству ровно год! Ты молод, не понимаешь, что будет. За нею дадут хорошо 60 душ; подумай, у тебя будут дети, может быть, и много; ты размножишь слободу однодворцев⁴⁵, ты от скуки захочешь служить, состояние небольшое, жену оставишь дома. Сам влюбишься опять в другую: вот твоя перспектива! Словом, я тебе никак не позволяю сделать такую наивеличайшую глупость; выкинь из головы, займись лучше ротой, а частые твои поездки прекрати. Поди с богом, я твоих возражений и слушать не хочу; есть ли же не перестанешь ездить, то я поеду к ним сам и скажу, что мне отцом препоручен, и я, как отец и как начальник твой, тебе строго запрещаю жениться». Что было мне делать! Говорить – хуже: я знаю горячий нрав его; беда, что наделает! Бог знает, лучше молчать, а свое делать. Представится случай, мое не уйдет. Теперь Рождественский пост; вот как кончится, хозяин мой поможет, сделаем свадьбу втихомолку, у нас священник добрый, и Ардатовский дьякон, лихой игрок в карты, в бильярд и пойдет куда угодно! Ему знакомы другие попы, он устроит; часто он ночи просиживал до

⁴⁴ Вымораживание – способ крепления вина, состоящий в замораживании до температуры замерзания воды. Затем лед удаляется, а оставшееся вино (выморозки) становится крепче.

⁴⁵ В данном случае – оскуделых дворян без крепостных.

обедни, идет в церковь, в мелу замазан, проигравши. Ему тихонько покажешь карту с углом: он доволен, полагая отыгаться! Человек располагает, а Бог управляет. Я немедля же поехал к Бухваловым. Когда же возвратился от них, мне сказали, что полковник за мною три раза присылал. Я иду. Вижу его серьезную мину. Он мне сказал: «Вот, любезнейший, всему конец. Полно тебе дурачиться: поздравляю тебя с походом: мы идем послезавтра в Орел. А тебе вот предписание: поезжай сейчас в слободу, отсюда за 60 верст – там найдешь 120 рекрут Житомирской губернии, прими их и артельные деньги, и выходи ко мне навстречу: тебе не далее будет 15 верст по тракту к городу Темникову Рязанской губернии. Возьми с собою трех старых солдат твоей роты, унтер-офицеров не бери. Прощай, поспеши: я буду днествовать чрез два дня, и туда явишься». Взял я бумагу и думаю: прощай, быть может, и навек! Иду я к хозяину, сказываю свою беду; он спросил: «Что же вы намерены делать?» – «Жениться после праздника непременно, а там что Бог даст!» Вот я делаюсь против службы первый раз преступником! Прошу хозяина завтра съездить к невесте и уверить ее, что я скоро буду. Забрал в дорогу харчей и чаю, лошади готовы, вот я и в дороге.

В восьми лье от Москвы, слева от главной дороги, 23 сентября 1812 г.
Гравюра. Христиан Вильгельм фон Фабер дю Фор. XIX век

Зима стояла прежестокая, доходило выше 30 градусов. Лошади были подставные, по предписанию исправника. Я до света долетел до местечка, вижу с гарнизонным офицером, принимаю команду, все идет скоро, деньги до 1500 рублей принял, пишу списки, и в день и ночь все готово: прошу офицера довести команду 15 верст до полку. Он сказал, что ему нужно еще 300 человек вести в полк Тираспольский. Вот задача! Что я буду делать?! Послать с солдатами команду – худо, а сказаться больным – все пропало! Думал я много, и тут нечистый искусил. Я вздумал команду вести в город Ардатов. Это вышло назад 50 верст, да оттуда, сдав гарнизонному офицеру, самому остаться больным и еще бедным рекрутам догонять полк 60 верст, что составило вместо 15 – 110 верст в такую стужу. Стоило бы подумать, что я буду

солдат за такую проделку⁴⁶. Молодость все прощает, был ветрен и хотел поставить на своем. Но лучше бы отправить со старыми солдатами, хотя они и были все пьяницы; но деньги я мог отправить по почте. Дело прошлое, согрешил и повел в Ардатов команду, а сам с половины дороги уехал один в город. Приезжаю, спрашиваю человека, ушел ли полк наш. Ушел, он отвечал. Вхожу в гостиную. В гостиной сидел мой хозяин с полковником. Я не помню, что со мною было. Это Бородинское жаркое дело! Первый вопрос полковника, почему я людей не принял? Я отвечал, что принял. Как я мог отправить команду без себя? Верно, я бежал? Я сказал, что команда идет сюда. «Подайте мне вашу шпагу!» – «Ея нет со мною: она в обозе». – «Покажите мне людей, которых вы приняли?» – «Их нет, они еще на половине дороги». – «Вы солдат! – сказал он, прибавив: – я знаю вашу хитрость. Приказываю: когда придут люди, немедля выйти из города и догонять полк». Он был взбешен, как я его никогда не видел. И было от чего. Сам он ушел немедля. После ухода его хозяин, добрый мой, обняв меня, заплакал и сказал, что полк наш вчерашний день ушел, а полковник остался за расчетом и завтра в 11 часов утра едет за полком на дневку, куда все городские приятели его провожают. Первое мое дело было броситься к исправнику и просить, чтобы близ города отвел квартиры моим рекрутам и дал бы им в 6 часов больше подвод с тулупами, да и впереди бы заготовил смену. Он, добряк, обещал, пожалел обо мне, и мы до свиданья расстались с ним. Я бросился к хозяину и с ним уехал к Бухваловым, приказав, когда партия придет в город, то проходили бы мимо за версту в большую деревню ночевать. Полковник вечером послал узнать, пришла ли партия, ему сказали, что прошла чрез город догонять полк. Его ужасно это рассердило; он говорил со мною сгоряча и думал, что я все исполнил, а я преспокойно всю ночь прощался и обещал из Орла приехать. Мне надавали почти годовую провизию, слезы были прощанием. Они полагали, что я буду солдат. Простившись и прося писать, я поехал в деревню, в 6 часов по приезде нашел ужасное количество подвод, так что на две лошади по два человека и два тулупа. Поверил команду, они все здоровы и целы! Я поскакал догонять полк и в 3 часа пополудни нагнал. Я послал рапорт к майору о прибытии моем и о том, что команда моя вся здорова и сыта, также деньги и шпагу. Полковник в городе замешкал до 12 часов на проводах и выехал со всеми знакомыми городскими чиновниками, кои его проводили. Дорогою он скучал, что нигде не может обогнать партии, и по приезде на дневку узнал, что партия пришла и все здоровы. Ехали на лошадях и в шубах. Знакомые городские все меня посетили, так же и мой хозяин, и привез мне поклон от невесты. Шпага мне была возвращена того же дни, но я долго не показывался полковнику, который в Темниково со мною нечаянно встретился и увел меня к себе обедать. Вот и конец делу, но я этой моей ветрености и теперь удивляюсь.

Мы шли походом до Орла без всяких приключений и дошли благополучно. Не доходя до оного за день, получили повеление в Орле только иметь дневку и по маршруту идти всем и кавалерии в герцогство Варшавское (что ныне царство Польское), в местечко Закрочин блокировать крепость Модлин, близ Варшавы, в 6 милях. Вот мои и планы на женитьбу рушились. Я писал много писем к невесте, ее матери и брату, но ответа ни одного не получил. Так и кончилось⁴⁷.

Заграничный поход

Наступил 1813 год. Неприятеля не было не только в России, но и в Польше. Мы достигли своего местоназначения, где по приходе немедля послали в армию нашего полка батальон с майором Антоновым, а я как ни просился, но полковник не отпустил. Мы квартировали у

⁴⁶ То есть такая «неисправность» по службе грозила разжалованием в солдаты.

⁴⁷ В 1826 году Н.И. Андреев женился на Надежде Николаевне Чихачевой.

обывателей. Крепость Модлин укреплена очень хорошо⁴⁸, мы ходили по очереди в цепь. Со стороны сухопутной вылазок не было.

Армию формировал князь же Лобанов-Ростовский; корпус наш был под начальством генерал-лейтенанта Клейнмихеля, отца главноуправляющего путей сообщения. У него были в команде батальоны формирующейся гвардии, гренадер и армейские. Кавалерия стояла в Плоцке. Хотя солдат было и довольно в гвардии, но офицеров мало, и потому требовали из армии. Из нашего батальона командирован был я. Гвардия была расположена по реке Висле у колонистов, близ крепости, около местечка Новый Двор, где река Нарева впадает в Вислу, против крепости. Я явился к дивизионному начальнику 2-й гвардейской дивизии, подполковнику из нашей дивизии, моему приятелю Константину Михайловичу Колошинскому. Обеими дивизиями батальонов командовал Преображенского полка полковник Стрекалов. Я был назначен адъютантом 2-й гвардейской дивизии, месяца три исправлял я сию должность. В это время было ужаснейшее наводнение реки Вислы, на берегу коей мы стояли, а против нас за рекой был корпус гренадеров, под командою Паскевича. Река разлилась и потопила даже большие дома колонистов, так что мы делали плоты иплыли семь верст на высоту и там жили неделю на биваках. Сорвало в Варшаве мост и несло его мимо нас с людьми, там случившимися, в крепость. Зрелище было необыкновенное; на мосту была торговка и разного рода люди и собаки, но как они были поляки, то в крепости им дали убежище. Вода у нас была как море, и мы с трудом переправились. Так скоро прибывала, что утром показалась на улице, а к полудню уже затопила избы наверху. Я после назначен был в лейб-финляндский батальон, и там встретил знакомого начальника, капитана Женевского, который был ротным командиром, где я был в Дворянском полку в 5-й роте. Меня он назначил адъютантом, казначеем и квартирмейстером, а после приехал этого же полка капитан Байков и принял батальон. Он меня полюбил очень и после дал роту, хотя и были гвардейские офицеры. Однажды, как я был в карауле с ротой в Новом Дворе против крепости (нас только река разделяла), неприятель вздумал, устроив флотилию из больших лодок, ночью посетить нас, чтоб истребить наш батальон, но ему эта шутка не удалась. Мы, подпустив их ближе, пустили на них батальный огонь, и они, правда, отвечали и 9 человек наших убили наповал, а 15 ранили порядочно: за то они, думаю, недосчитались у себя много, а одна лодка из орудия большого калибра была в щепки разбита, и люди их все перетонули. Но мы были очень осторожны. С трудом ходили за водой; они из крепости, не жалея снарядов, стреляли из пушек и по одному человеку. Наконец, наскучило мне быть у чужих, работать, учить чужую команду – я начал проситься в свой батальон. Байков меня просил остаться, с тем что когда будет мир, то он уприсит великого князя меня перевести в гвардию, а как состояние мое не позволяло там служить⁴⁹, к тому же я слышал, что из армии нашей каждого батальона

⁴⁸ Крепость Модлин у слияния Варева с Вислой существовала в зачаточном состоянии еще в XVIII веке: она имела земляные верки, которые к концу столетия пришли в полный упадок. Наполеон оценил важное стратегическое значение Модлина и во время кампании 1807 г. приказал в целях облегчения переправы через Вислу и Нарев построить большое предмостное укрепление на правом берегу Вислы и малые укрепления на левом берегу Нарева, на Новодворском полуострове. Затем, готовясь к походу в Россию, он признал необходимым обратить Модлин в первоклассную крепость, причем в составлении проекта этой крепости принимал участие известный французский инженер Шасслю. В 1813 г., ко времени блокады Модлина русскими войсками, он представлял собой следующее: главная крепость, на правом берегу Вислы и Нарева, состояла из ограды о четырех фронтах бастионного начертания, обращенных в поле, и одного фронта – неправильного кремальерного начертания, обращенного к реке. Три напольных фронта, наиболее подверженных атаке, имели рavelины, вынесенные за гласис. Средний фронт, расположенный почти по прямой линии с соседними, не был подвержен атаке и потому имел ravelин, примкнутый к контрэскарпу. К западу от крепости, у берега р. Нарева, находился горнверк с ravelином, а еще далее к западу – верк кремальерного начертания с ravelином и каменным блокаузом в горже; он носил название кронверка Утратского. К северу от крепости находился кронверк Средний, а к северо-востоку – кронверк Модлинский. На левом берегу Вислы было расположено Казунское мостовое укрепление, на Шведском острове у головы моста находилась флесь с крыльями; наконец, на Новодворском полуострове – мостовое укрепление в виде горнверка, с отдельным ретраншементом в горже и двумя передовыми батареями (данные приводятся по источнику: *Яковлев В.В.* История крепостей. Гл. 18. М.: Полигон, 1995).

⁴⁹ Служба в гвардии обходилась дорого из-за повышенных требований к обмундированию, а также многочисленных престижных трат. Жалованье гвардейцев ненамного превышало армейское (на 20–50 %), но траты были многократно больше.

идут за границу в действующую армию по две роты, то и думал туда отправиться. Но вышло не то. Вскоре, 1814 года в марте, был мир. Бонапарта прогнали на Эльбу. Крепость сдалась еще прежде, и мы пошли за Варшаву, где квартиры были чудесные, 25 миль около Кракова. Гостеприимство везде отличное, и можно сказать, что я пожил в Польше весело.

В исходе 1814 года пошли мы в Гродненскую губернию, куда из Парижа пришла и дивизия наша. К прискорбию нашему, не вернулся наш добрейший дивизионный Неверовский: его тяжело ранили под Лейпцигом в ногу, и он от раны вскоре умер⁵⁰. Дивизия вся его оплакивала, да и я впоследствии никогда не имел такого начальника.

В Гродненской губернии, бедной против Варшавской, я, однако, жил весело. Полк наш квартировал в Зельве, я с ротой в местечке Кренице, в уезде Волковском, в имении бригиток-монашенок. Эконом был добрый человек, а дочь его Маша – милашка. Я имел квартиру прекрасную, жил как хороший обзаведенный офицер, имел три лошади своих, у меня бывали вечера, а у хозяина Избицкого балы. Часто полковая музыка у нас гремела, провианту я не давал ни гонцу, всегда квитанция готова. Артели солдат прибавлялись значительно, я продавал их муку и деньги отдавал им в артель. Мука была 25 рублей, а крупа 32 рубля за куль. Солдатам хорошо, да и я жил весело⁵¹. Что за жизнь была в Польше, и теперь с восторгом вспоминаю. Хорошо было молодежи, не так, как в России, кроме Ардатова, и то в какое время!

Наступил 1815 год. Наполеон вздумал бежать, и нас потребовали. Шли мы скоро до Калиша, а там в Шлезию, Саксонию. Что за край! Подобного нет в Европе. Проходили много герцогств, княжеств, Баварию, Богемию, и подошли к Рейну во Франкфурте-на-Майне. Я не живописец и не пиит, не могу изобразить прелестной картины возле Рейна, где мы простояли пять часов, дожидаясь эрцгерцога Карла, брата императора австрийского. Перед нами крепость Майнц, левее Рейн, в него впадает река Майнц. За рекой город Майнц, на горе, довольно большой и красивой; по правую сторону горы с виноградниками, по левую по реке Рейну даль верст на двадцать с деревнями каменного строения и церквами. Сзади нас в двух верстах на горе город Гохейм. Можно смотреть и восхищаться! Когда проехал мимо нас принц Карл, ему кричали «ура». Мы перешли Рейн и выпили прекрасного вина Гохеймского. Из полку по четыре офицера и по двое штабс-офицеров были приглашены на завтрак к принцу Карлу; я был в числе избранных. Завтрак был неважный, но зеленого салату много и вино хорошее, по две рюмки; принц одет был в сером сюртуке, и шляпа с широким позументом.

Я забыл сказать, что меня в Гродно в 1814 году произвели в поручики, а при переходе чрез Рейн 1815 года – в штабс-капитаны. Когда мы перешли Рейн, война кончилась. Англичане и прусаки разбили при Ватерло французов, и Наполеон великий бежал, и после отдался англичанам, кои отправили его на остров Св. Елены. Крепости же Мец и Вердюн не сдавались, и много у них было партизан. К последней нас послали блокировать ее; мы шесть недель содержали ее в блокаде, и она сдалась. Тогда я ездил в Люневиль, известный миром в 1801 году. Город очень хорош, в нем ружейная фабрика и пистолеты превосходные. Нас от границы Польши и во Франции продовольствовали везде очень хорошо, особливо прусаки и саксонцы, и у французов было недурно. Полк наш после квартировал в городе Бельмонте, а я

Например, гвардеец не мог позволить себе пить в трактире дешевое вино или пиво, приходило пешком на званные балы и т. д. Попытка «удешевить» собственное содержание могла вызвать не только насмешки товарищей, но и прямые нарекания начальства.

⁵⁰ 18 октября 1813 года Неверовский был ранен пулей в ногу (в лодыжку) в сражении под Лейпцигом. Присланный врач (Тарасов) решил воздержаться от ампутации, однако вынуть пулю не смог. Решение отказаться от ампутации оказалось ошибочным: Неверовский умер от гангрены 21 октября того же года.

⁵¹ «Афера» Андреева состояла, вероятно, в том, что гостеприимные хозяева взяли на содержание его роту, скорее всего, в обмен на услуги, которые способны оказать находящиеся в поместье 160 пар крепких рабочих рук. Тем не менее Андреев получал со складов необходимое довольствие, которое продавал, получая с солдат расписки. Вырученные деньги он отдавал солдатам за определенный посреднический процент, на который и содержал себя в достатке. О распространенности такой практики красноречиво свидетельствует распоряжение А.А. Аракчеева отказать в прибавке жалованья ротным командирам, «поскольку оные пользуются доходами с рот».

с ротою в деревне Клермонте. В июле-месяце император собрал всю нашу армию и гренадеров на Шалонские поля близ Вертю, от Парижа очень недалеко. Он делал армии смотр и сам представлял монархам австрийскому, прусскому, баварскому, и много было владетельных, а фельдмаршалы наш и английский Велингтон. Из Парижа множество было маршалов, принцев, генералов и даже дам. Маневр сей для зрителей был прелестный. Когда армия собралась к Вертю в Шампани, в три часа утром, войска были поставлены в три линии! В первых двух пехота с артиллерию, в интервалах между дивизий, в третьей кавалерия. В десять часов приехали монархи в город Вертю, который построен на высокой горе, и оттуда необозримая равнина. Такого каре, думаю, никто и никогда не видал. Когда построились в каре, государи объехали оное, что составляло до пятнадцати верст кругом, и за ними вся свита и дамы. Большая кавалькада!

Мы стали в дивизионные колонны, а после в батальонные, и так пошли церемониальным маршем кругом десять верст. Наш император Александр ехал впереди пред гренадерами: гвардии тогда во Франции не было. Мы очень устали и утомились, пыль, жар, в августе 29-го. Мы ночью пришли, не ели ничего, жар, воды нет, везде песчаная степь. Мы платили по рублю серебром за стакан воды и рюмку водки. Сия проделка была повторяема три дня кряду: первый день репетиция, второй – смотр монархов, а 30 августа церковный парад в сей же армии и на том же месте. Я был последним в армии, проходил мимо царей, потому что дивизия 24-я была последняя в армии, полк наш последний в дивизии, рота моя, 9-я⁵², последняя в полку; сзади меня шла кавалерия. Можно вообразить, что по песку в жар какая была пыль. Если бы на мне был красный мундир, и тот бы был бел. Слава богу, все прошло, и молодость вынесла все труды.

Мы тотчас пошли в Шато-Тъери, городок хороший, на реке Сене, близ Парижа. Корпус наш был 8-й, командовал им Сабанеев, и нас оставляли во Франции на пять лет – я пока и не думал ехать в Париж, полагая, что успею еще, да и нужен был товарищ, кто бы знал язык французский⁵³. В ожидании поездки получили повеление немедленно выходить в Россию, а вместо нас оставили корпус графа Воронова. Вот мои планы рушились. Я был в Риме и папы не видал, то есть был возле Парижа, а там не был. Потомство сказало бы, что я вандал; но обстоятельства все переменяют, а притом же без денег там скучно. Я имел 40 червонцев; думаю: сберегу и, придя в Россию, съезжу проведать батюшку, которого давно не видал. Я так и сделал: еще во Франции подал в отпуск, и по возвращении в Россию, когда мы квартировали на Волыни в Житомирской губернии, я получил отпуск...

Чрез короткое время, в ноябре, произвели нашего полковника Назимова в генералы, а шефы в армии еще во Франции уничтожены. К нам дали полкового командира Яковлева, служившего в армии графа Витгенштейна с 1812-го подпоручиком, а в 1815 году был он полковник. Я не хотел служить в пехоте, хотел в кавалерию; но трудно перейти; а из отставки можно было проситься в любой полк. Вот что меня понудило оставить военную службу 26 лет. Я подал в отставку и недолго ждал: меня уволили тем же чином, потому что я не дослужил года в штабс-капитанском чине. Дивизию нашу еще при мне назначили в Литовской корпус, под начальство цесаревича Константина Павловича. Я, прощаясь со службой, не думал, что навек не надену военного мундира. Когда дали мне отставку, то в приказах сказана Высочайшая воля, чтоб отставных офицеров не принимать в другие полки, как в те же, где они служили. Вот я оставил службу военную навек. После идти в тот же полк нельзя, потому что кто у меня был в команде, у того я бы должен быть, и товарищи мои чрез два года были майоры все. К тому же батюшке угодно было, чтоб я остался при нем: из пяти сыновей ни одного при нем не было. Что делать

⁵² Действительно, Андреев командовал 3-й гренадерской ротой полка (она же 4-я (гренадерская) рота 3-го батальона, она же 9-я по счету среди действующих рот полка: сначала следовали 4 роты 1-го батальона, затем гренадерская рота 2-го (запасного) батальона, и, наконец, 4 роты 3-го батальона, последней из которых командовал мемуарист.

⁵³ Напомним, что сам Андреев умел «читать и писать по-французски и по-немецки», т. е. владел языком, что называется, «со словарем».

мне было иначе? Я вышел в отставку 1816 года, дома прожил до 1819-го, после выбрали меня в заседатели в Порховский Земский суд...

**Федор Николаевич Глинка
(1786–1880)**

**Письма русского офицера о Польше,
австрийских владениях, Пруссии и Франции,
с подробным описанием Отечественной
и заграничной войны с 1812 по 1814 год**

Предуведомление

В 1817 году, когда мне довелось быть председателем известного в то время Литературного общества и, в чине полковника гвардии, членом Общества военных людей и редактором Военного журнала, посетили меня в один вечер (в квартире моей в доме Гвардейского штаба) Жуковский, Батюшков, Гнедич и Крылов. Василий Андреевич (Жуковский) первый завел разговор о моих Письмах русского офицера, заслуживших тогда особенное внимание всех слоев общества.

«Ваших писем, – говорил Жуковский, – нет возможности достать в лавках: все-де разошлись. При таком требовании публики необходимо новое издание. Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать. Теперь ведь уже уяснилось многое, что прежде казалось загадочным и темным».

Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, и разговор продолжался. Крылов молчал и вслушивался, а наконец заговорил: «Нет! – сказал он, – не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не позволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написано у вас, где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный 1812-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование».

Ф. Глинка

**Описание Отечественной войны 1812 года до изгнания
неприятеля из России и переход за границу в 1813 году**

Мая 10, 1812. Село Сутоки

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозой, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, – говорят простолю-

дины, – прошлого года так долго ходила в небесах невиданная звезда; недаром горели города, села, леса, и во многих местах земля выгорала: не к добру это все! Быть великой войне!» Эти добрые люди имеют свои замечания. В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в «Ведомостях» только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе. Мы читаем в Степенных книгах⁵⁴, что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой, и небо чудесными знаменами как бы предуведомляло землю о грядущем горе... Нельзя не согласиться с знаменитым Макиавелем⁵⁵, что мыслящие умы так же легко предузнают различные приключения в судьбе царств и народов по известным обстоятельствам, как мореплаватели – затмение светил и прочее по своим исчислениям.

Известно, до какой степени маркиз Куева де Бедмар⁵⁶, описанный Сент-Реалем, силен был в науке предузнавать!.. К чему, в самом деле, такое притечение войск к границам? К чему сам государь, оставив удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? – К чему, как не к войне!.. Но война эта должна быть необыкновенна, ужасна!.. Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, – прорвется – и наводнение будет неслыханно! – О, друг мой! Ужели бедствия нашествий повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Русские не выдадут земли своей! Если недостанет воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество!

Кого не мучит теперь любопытство, чтоб разгадать загадку будущего? – Я читаю славную Гедеонову⁵⁷ проповедь на разрушение Лиссабона – и живо представляется воображению моему, как величавый муж сей в священных сумерках пространныго храма, где голос его в таинственных отзвухах повторяется, перед лицом императрицы Елисаветы, описывая бедствия колеблющейся природы и страшную гибель Лиссабона, смело укоряет блестящий сонм вельмож в отставлении праотеческих нравов, в неге и роскоши, которым предаются, и вдруг, устами боговдохновенного пророка, гласит им в последнее наставление сии священные слова: и когда услышите голос его, не ожесточите сердец ваших. Прощай! Я иду в свой садик поливать цветы и слушать громкого соловья – пока это еще можно! «Жить невидимкой – значит быть счастливым!» – говорит славный философ Декарт. Еще раз: прощай!..

⁵⁴ Степенные книги – свод исторических сведений о России от древнейших времен до Ивана Грозного, составленный в XVI веке.

⁵⁵ Макиавель – Макиавелли Николо (1469–1527) – итальянский политический деятель и писатель.

⁵⁶ Маркиз Куева де Бедмар (1572–1655) – испанский дипломат, посол в Венгрии; описан французским аббатом и историком Сент-Реалем (1639–1692) в книге «История заговора испанцев против Венецианской республики в 1618 году» (1647 г.).

⁵⁷ Гедеон (ок. 1726–1763) – придворный священник при императрице Елисавете Петровне, славившийся своими проповедями.

Федор Николаевич Глинка (1786–1880) – русский поэт, публицист, прозаик, офицер, участник декабристских обществ.

Портрет. XIX век

16 июля 1812 – Смоленск

Сейчас приехал я в Смоленск. Какое смятение распространилось в народе!.. Получили известие, что неприятель уже близ Орши. В самом деле, все корпуса, армию нашу составля-

ющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере близ Дриссея⁵⁸ и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего. Народ у нас не привык слышать о приближении неприятеля. Умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки неприятелю. Кажется, в России, равно как и в Испании, будет он покорять только землю, а не людей...

17 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный после двухсотлетнего сна пробуждается, чуя угрозу военную. Губернский предводитель наш, майор Лесли, от лица всего дворянства испрашивал у государя позволения вооружить 20 000 ратников на собственный кошт владельцев. Государь с признательностью принял важную жертву сию. Находящиеся здесь войска и многочисленная артиллерия были обозреваемы самим государем. К ним, по высочайшему повелению, должны немедленно присоединиться идущие из Дорогобужа и других депо рекрутские батальоны. Уже передовой отряд, под начальством храброго генерала Оленина, выступил к Красному. Старый генерал Лесли, поспешно вооружив четырех сынов своих и несколько десятков ратников, послал их присоединиться к этому же отряду, чтоб быть впереди. Вчера принят Е.И.В. из отставки в службу Г.-М. Пассек и получил начальство над частью здешних войск. – Земское ополчение усердием дворян и содействием здешнего гражданского губернатора барона Аша со всевозможной скоростью образуется. Смоленск принимает вид военного города. Беспреданно звенят колокольчики; скачут курьеры; провозят пленных или шпионов. Несколько польских губерний подняли знамя бунта. Недаром они твердили пословицу: «Слышит птичка весну». О заблуждение! Они думают воскреснуть среди всеобщего разрушения!.. Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли с тобой видеться, но письменное сношение заменяет половину свидания, – так говорит персиянин Бек-али; я верю ему – и буду стараться к тебе писать. – Прощай!..

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец, поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая-де-Толли, а вторая – князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля соединились наконец у Смоленска. Г. Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна; но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. – Войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!

19 июля. Там же

Я имел удовольствие обнять брата моего Григория, служащего в Либавском пехотном полку. Общество офицеров в этом полку прекрасное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья,

⁵⁸ Имеется в виду укрепленная позиция близ г. Дриссы на левом берегу Западной Двины.

как ближайšie родные. Кто же такие эти прекрасные люди?» – спросишь ты. – Общие наши товарищи: кадеты! – О! Как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет. Совоспитанники по сердцу и душе встречаются везде с непритворным, сердечным удовольствием... Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мной точно то же, какое было за 10 перед этим лет, несмотря на то что я только бедный поручик! Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы; когда пища, науки и резвости были общими; когда, не имея понятия о жизни и свете, мы так сладостно мечтали о том и другом!.. Помнишь, как, повторяя бессмертные слова Екатерины, что корпус кадетский есть рассадник великих людей, мы любили воображать себе, что все до одного будем полезны Отечеству. Но сколько из юных растений этого рассадника, поверженных в буре случаев, утратили способности свои от бездействия, сделались бесполезными от несправедливости людей и увяли от бедности – или в тени неизвестности, лишенные спасительных лучей – ободрения!..

Вчера армии двинулись от Смоленска, вниз по течению Днепра, к окрестностям озера Катани. Авангард пошел к Рудне; оттуда ожидают неприятеля, который теперь толпится на пространстве между Двиной и Днепром. Это наступательное движение войск наших много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Дай бог нашим вперед! Помоги бог оттолкнуть дерзких от древних рубежей наших!.. Однако ж, идя вперед, кажется, не забывают о способах, обеспечивающих и отступление... На этих днях военное начальство требовало у гражданского губернатора надежного и деятельного дворянина для особенных важных препоручений. Зная из многих опытов усердие и деятельность брата моего Ивана, губернатор представил начальству его. Тотчас поручено было ему, со всевозможной скоростью, без лишней огласки, устроить сколько можно более переправ на Днепре у Соловьева, что на большой Московской дороге. Мосты спеют с удивительной поспешностью. Работают день и ночь. Великие толпы народа, бегущие из разных занятых неприятелем губерний, переправляются беспрестанно. «Но неужели и войска пойдут через них?» «Ужели и Смоленск сдадут?..» Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь! Все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. «Дозволят – и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться – и удерживать; станем сражаться – и отражать!..»

Августа 4 дня. Село Сутоки, в 2 часа, за полдень

В сии минуты, как я пишу к тебе дрожащей рукой, решается судьба Смоленска. Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город. Сегодня все обыватели высланы; батареи расставлены. Неприятель с двумястами тысяч наступает на Смоленск, защищаемый 150 000 наших. Покровская гора еще в наших руках. Теперь сражение горит под самыми стенами. Когда получишь эти строки, то знай, что чей-нибудь жребий уже решился: или отбит Наполеон, или – дверь в Россию отперта!..

Я сейчас иду помолиться в последний раз на гробах родителей и еду к старшему брату Василию: от него видно сражение. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково

Я видел ужаснейшую картину – я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее. 4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен, под стенами его, горстью неустрашимых россиян. 5 числа, с ранней зари до позднего вечера, 12 часов продолжалось сражение перед стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг места; дрались как львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем – и все, что может гореть, – запылало!.. Опламененные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными...

В глубокие сумерки вынесли из города икону Смоленской Божьей Матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражений, сопровождал печальное шествие это. Блеск пожаров освещал его. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтоб Смоленск взят был непременно 5-го числа; однако ж русские отстояли его грудью, и 5-го числа город не был взят. Но 6-го рано – о превратность судьбы! – то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно!.. Главнокомандующий имел на то причины. Теперь Смоленск есть огромная груда пепла; окрестности его – суть окрестности Везувия после извержения. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас, т. е. 8-го числа к вечеру, приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться! Злодеи берут одним многолюдством. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак – народная война!

Его императорское высочество Константин Павлович, усердно разделяющий с войском труды и опасности, был свидетелем кровопролитного боя и страшного пожара смоленского. С душевным прискорбием взирал он на разрушение одного из древнейших городов своего отечества. Жители Смоленска неутешны. Несчастья их неописаны. О, друг мой! Сердце твое облилось бы кровью, если бы ты увидел злополучие моей родины. Но судьбы высшего неиспытаны. Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны народа, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилоствят, наконец, разгневанные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец!

Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться смолянин за свой отечественный город. В этом уверили нас все офицеры его полка. Бригадой их командовал генерал-майор Оленин и водил ее в самый жаркий огонь. Все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, который убит 5-го числа в передней цепи стрелков. Кровопролитные битвы еще продолжаются. Мы ложимся и встаем под блеском зарев и громом перестрелок. Мне уже нельзя заехать домой; путь отрезан! Итак, иду туда, куда двигает всех буря войны!.. Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям; толпы народа спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего отечества. Бедный

С...! В то время как брат его сражается и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем в дни ужаса! Прощай!.. Может быть, в этом мире уже навсегда!..

13 августа

Итак, я теперь –

Наследия отцов и родины лишен,
Как птицы без гнезда стал, бурей унесен!..

Странствую по сгорающей земле, под небом, не вмешавшим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожаров.

Полнеба рдеет, как раскаленное железо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переезжая из шалаша в шалаш, от огня к огню. В окрестностях Дорогобужа ехали мы некоторое время с конницей генерала Корфа. Старший брат мой, знающий там все тропинки, служил ей лучшим путеводителем. Теперь пристаем чаще всего в дежурстве генерала Дохтурова. Нередко хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбец: имея неисчислимые способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя имея рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в дни наши; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться в опасности, на раны в смерть? Но вот что значит любовь к Отечеству!.. Потомки не уступают предкам. О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами россиян!..

Помнишь, как мы вместе читали Шиллерову трагедию «Разбойники»? Помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микеланджело начертал пламенным пером своим? Там, среди ужасного пожара вселенной, леса, села и города тают как воск, и бури огненные превращают землю в обнаженную пустыню! Такие-то картины видим мы всякий раз, ложась спать! «Каковы же должны быть сновидения?» – спросишь ты. Их нет: усталость лишает способности мечтать. Уже и Дорогобуж, и Вязьма в руках неприятеля: Смоленская губерния исчезает! Прощай!

Августа 16

Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? для чего уступают области? и чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо это-то вождя сил российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет! – думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не вмешавшее пустым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб посредством глубоких соображений впервые предугадал о существовании нового мира и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихии, ни бурей страстей человеческих, видел ясно перед собой

отдаленную цель свою и вел к ней вверенный ему провидением корабль. Так, главнокомандующий армиями, генерал Барклай де Толли, проведенный с такой осторожностью войска паши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом. Потерянное может возвратиться; обращенное в пепел – возродиться в лучшей красоте. Щедроты Александра обновят края, опустошенные Наполеоном... Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. Смотри на него, я воображаю Катона и прекрасное место из Лукановой поэмы⁵⁹, где автор представляет этого великого мужа под пламенным небом Африки, среди раскаленных песков Ливии. Тут же и прекрасный Горацийев стих сам собой приходит на ум:

«И на развалинах погранныя вселенной,
Катон, под бурями, неколебим, стоит!..»

17 августа

С какой грустью оставляют они дома, в которых родились, выросли и были счастливы! Бедные жители злополучных стран!

В одном прекрасном доме, близ дороги, написаны на стене женскою рукою простые, но для всякого трогательные слова:

Прости, моя милая Родина!

Друг мой! Настают времена, когда и богатые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих... Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщениия в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны! Они горько жаловались, что бывший управитель-поляк отобрал у них всякое оружие при приближении французов. Долго ли русские будут поручать детей своих французам, а крестьян – полякам и прочим пришельцам?..

Того же числа

Теперь начальствует арьергардом и почти ежедневно сражается генерал-лейтенант Коновницын, воин, почтенный летами, заслугами и подвигами. У него адъютантом и правителем канцелярии общий совоспитанник и друг наш Ахшарумов, с которым я иногда выдаюсь. Быть бою кровавому, быть великому сражению! Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их, разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание стать и сражаться! Горящие окрестности, разоряемые церкви, поруганная святыня и стон жителей с неизъяснимой силой действуют на души их. О! Как добры и благочестивы солдаты русские! Чего нельзя с ними сделать? Никто не умеет так оценить и помнить храбрости офицера, как они. Один уса́тый гренадер, когда я с ним вчера разговаривал и объявил свое имя, сказал мне: «Да не родня ли вам Глинка, в

⁵⁹ Имеется в виде «Фарсалия» – поэма Лукана (39–65), римского поэта, в которой прославляется Катон Младший как воплощение гражданской доблести.

Либавском полку что был под Смоленском в стрелках?» «Это брат мой», – отвечал я. «Он прехрабрый, сударь, человек! – говорил гренадер, – с ним весело ходить вперед!» Вот нечаянное приветствие – и самое лестное! От часу более распространяется слух о скором прибытии к армии Светлейшего Князя Голенищева-Кутузова. Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету; древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его, матери выносят грудных младенцев, падают на колени и поднимают их к небу! Весь народ называет его спасителем. Государь сказал ему: «Иди спасать Россию!» Россия, указывая на раны свои, вопиет: «Спаси меня!» Бессмертные уже готовят место на скрижалях своих, чтоб передать имя его в бесконечность времен. Помнишь, как мы восхищались неподражаемым местом в Мармонтелевом Велисарии⁶⁰, где он представляет сего великого мужа проходящим через те самые области, которые спас от гибели, и повсюду собирающим бесценные дани нелестного усердия народа. О, как различна слава бичей и спасителей народов!

18 августа

Наконец прибыл сей лаврами и сединами увенчанный вождь! Некоторые из почтенных гжатских купцов привезли его сами на прекрасных своих лошадях в село Царево-Займище. Я сейчас видел Светлейшего Голенищева-Кутузова, сидящего на простой скамье подле одной избы, множество генералов окружили его. Радость войск неописана. У всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огней радостнее. Дымные поля биваков начинают оглашаться песнями.

20 августа

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необходимо нужного и ничего лишнего. Когда Светлейший Князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! Ничего этого не надо!» – говорил князь. – Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе». В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог, скорей придет – больше отдыхать будет!» Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш “батюшка”!» – говорили солдаты, – он все наши нужды знает: как не подраться с ним»; в глазах его «все до одного рады головы положить». Быть великому сражению!

Все обстоятельства предвещают сражение, долженствующее решить судьбу отечества. Говорят, что в последний раз, когда Светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову; все войско закричало «ура!». В сей же день главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны Смоленской Божьей Матери и для иконы ее, находившейся при армии, сделать новый приличный кивот. Все это восхищает солдат и всякого!

На этих днях смоленский помещик Реад привез двух сынов, прекрасных молодых людей, и просил определить их в службу⁶¹. Другой смолянин, ротмистр Клочков, оставив прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву, который, от тяжелой боли едва передвигая ноги и почти совсем не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях.

Вот что значит война отечественная!..

⁶⁰ Имеется в виду популярный в свое время роман французского писателя Мармонта Ж.-Ф. (1723–1799) «Велисарии».

⁶¹ Три старших сына этого почтенного дворянина были уже на службе. В продолжение войны четверо из них ранены.

21 августа

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб – ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех, и пуля редкого минует!..

22 августа

Поутру полки расположились около Колоцкого монастыря⁶². Там еще оставались два или три поседельных монаха. Я был у вечерни. Унылый стон колокола, тихое пение, синеватый сумрак, слегка просветляемый темной лампадою.

Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях, как оно!.. Нет! Восстал дух русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдастся, не хочет быть рабом. Он засекает в лесах, сражается на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Все признаки великого сражения час от часу более становятся видимы. Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых по временам стреляет гром!..

23 августа

«Тут остановимся мы и будем сражаться!» – думал каждый, завидя высоты Бородинские, на которых устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадавшую здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых слиянием этих двух речек. Стало войско – и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютейшее войны?..

Наступает вечер. Наши окапываются неумолимо. Засеками городят леса. Пальбы нигде не слышать. Там, вдали, неприятель разводит огни; ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит на небеса! По последнему расположению войск у нас на правой руке Милорадович; на левой князь Багратион; в середине Дохтуров. Глава всех войск Князь Кутузов, под ним Барклай де Толли. Ожидают неприятеля и сражения. Прощай!

24 августа

Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын с передовыми полками схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря. Вот идут они: один искусно уклоняется, другой нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Смотрите, какая необозримость

⁶² Колоцкий монастырь – расположен близ села Бородина, где произошло генеральное сражение 26 августа 1812 года.

их движущихся стен!.. Поля дрожат, кажется, гнутся под множеством конных; леса насыпаны стрелками, пушки вытягиваются из долин и кустарников и, в разных местах, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки въезжают. Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим, к чему...

24 августа. Поздно вечером

Неприятель, как туча, засипел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков, храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь бога, укрепясь своим мужеством и оградясь русскими штыками, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с неимоверной отважностью. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения и каждый раз был отражен. Поле покрылось горами тел. Во все время как мелкий огонь гремел неумолчно и небо дымилось на левом крыле. Князь Михаила Ларионович сидел на своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на середине линий. Он казался очень спокоен. Все смотрели на него и, так сказать, черпали от него в сердца свои спокойствие. В руках его была нагайка, которою он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушиваясь в гремящие переходы сражения, то внимательно обзревая положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары. Прощай до завтра!

Кутузов осматривает позицию при Бородине.
Художник В. Серов. 1950-е гг.

25. Утро

Все тихо, неприятель отдыхает; перевязывает вчерашние раны и окапывает левое крыло свое. И наши не дремлют – готовятся.

25. Сумерки

Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородино. Оттуда в зрительную трубку – все как на ладони! Они роются, как кроты, в земле; строят преогромные редуты, а пушек, пушек – и сказать страшно! На одном только окопе насчитал я сто! Но не один я

задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее мнение было, что неприятель для того огораживает левое крыло свое, чтобы свести все войска на правое и с сугубым усилием ударить на левое наше. На середину также ожидали нападения. Но вот уже сумерки! Ветер поднимается с воем и гудит по шалашам. Французы оговорились и засветили огни. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай – темно! Иду доставать свечи.

С 25 на 26. Глубокая ночь

Все безмолвствует!.. Русские с чистой, безупречной совестью тихо дремлют, облегли дымящиеся огни. Сторожевые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все спокойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут устроенные огни в таборах⁶³ неприятельских; музыка, пение, трубные голоса в крики по всему их стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они, верно, приветствуют разъезжающего по строям Наполеона. Точно так было перед Аустерлицким сражением. Что будет завтра? Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай!

29 августа. Окрестности Москвы

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Так началось беспрецедентное Бородинское сражение 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Всканиваем, смотрим – густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель повез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валятся, другие пылают! Войска бегут к ружью в огонь. Все это происходило в середине, а на левом нашем крыле давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть этого ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился Светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! Я видел это неимоверно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с этим – ошибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микеланджело, изобразившую Страшный суд, чтоб осмелиться представить это ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов на самом тесном, по их многочисленности, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием: 2000 пушек гремели непрерывно. Тяжко вздыхали окрестности – и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы металась с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вождя конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице России; другие помнили, что заслоняют собой эту самую столицу – сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было неопи-сано. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор,

⁶³ Табор – бивак (bivoïque).

как освещает ее. Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок, – сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны, – там целые костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули; а сколько здесь пролетало пуль!.. Но это сражение неописано: я сделал только абрис его. По счастью, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера нашего брата Григория. Он был ранен пулей в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли! Мы благословляли небо и поспешили проводить раненого в Можайск.

30 августа

«Так восходило оно в день Аустерлицкого сражения!» – сказал Наполеон перед строем войск, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотел заранее читать победу в Небесах? Но предвещения его не сбылись. О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородино! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. «Оценка людей, – говорит Екатерина, – не может сравняться ни с какими денежными убытками!» Но в отечественной войне и люди – ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! Нет, друг мой! Ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть никогда еще, не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле.

Однако ж Наполеон не остановился в Бородине: он влечет пронзенные толпы свои прямо к Москве. Там Милорадович, командуя передовыми войсками, принимает все удары на свой щит. Здесь составляется совещание об участи Москвы.

Что будет? Богу знать!

P.S. Я бы писал к тебе более и пространнее, но от нестерпимой головной боли едва могу мыслить. В течение всего этого времени, имев всегда постелью сырую землю, я сильно простудил голову. Лучшее описание Бородинского сражения получишь разве со временем. Прощай!

2 сентября

Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! Что значит блеск городов, очаровывающий наши чувства? Это самая тленная полууда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений – и Москва, осиротелая, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало или уезжает. Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Я забыл сказать тебе, что государь в последний свой приезд в Москву пожаловал ему Владимирский крест при следующих словах: «За любовь вашу к отечеству, доказанную сочинениями и делами вашими». Мы было все

пять братьев съехались в Москву, но пробыли вместе не более дня. Брат мой Иван уехал к князю Лобанову-Ростовскому, который взял его к себе в адъютанты... Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах Древнего Кремля!.. А мы вслед за русскими войсками пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Севера после двухсотлетней свободы должна опять почувствовать тяготу оков иноплеменных!

4 сентября. Боровской перевоз

Москва в слезах;
Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!

Так говорил я вместе с одним из превосходнейших наших поэтов, стоя на высоком Мячковском кургане у Боровского перевоза на Москве-реке. Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимают какое-то очень искусное движение влево. Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Так скажет история, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году, при царе Иване Васильевиче, вся Москва разорена и была предана пламени набежавшим с ордой крымских татар ханом Дивлет-Гиреем в день 24 мая. «Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река “мертвых не пронесла”!» – так повествует летописец. В 1612 году она терпела почти такую же участь и славно избавлена Пожарским!

Один знаменитый писатель⁶⁴ говаривал часто, что время настоящее беременно будущим. А посему-то, видя в настоящем всеобщее вооружение, воскресший народный дух, твердость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что будущее, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением прошедшего; оно должно возратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде, все ополчается. Друг мой! Будем молиться – и надеяться!

Сентября 10. Рязань

С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство!.. По Рязанской губернии в нескольких местах переправляются через одну только Оку, и ни в одном месте нет порядочной переправы! Ни к чему не годные паромы на ветхих канатах едва могут поднять десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры больше всего при этом страдают. Целые семейства живут здесь на пустом берегу в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младенцу. Я еще в первый раз в здешних местах и в первый раз вижу, что Россия здесь так мало населена. Какие обширные поля – и как мало жилищ! Кажется, что вся населенность в России сдвинулась к ее границам. Если б можно было сделать противное, чтоб народ стеснился ближе вокруг сердца своего Отечества, а степи отделили бы от чуждых стран, чтоб разврат и оружие иноплеменников не так легко проникали в него!

Что сказать тебе более о нашем странствовании? Мы проехали Коломну, очень порядочный город, пониже которого сливается Москва-река с Окою. Я едва успел взглянуть там на древние развалины очень красивых башен; вихрь всеобщего смятения умчал и нас с собою далее. Мне очень хотелось найти здесь подполковника артиллерии, двоюродного брата моего

⁶⁴ Лейбниц.

и друга Владимира Глинку, который, помнишь, был с нами вместе в Корпусе⁶⁵; но он уже ушел с ротою куда-то за Оку. Мы проезжали Зарайск, прелестный городок на берегу светлой реки Осетра, впадающей в Оку. Там осмотрел я старинную крепость, называемую Кремлем.

Говорят, что предки наши были непросвещенны; однако ж они умели выбирать самые выгодные места для своих Кремлей. Зарайский Кремль служит доказательством. Стоя на возвышенном месте, он преграждает переправу на реке и может действовать орудиями далеко по дороге, извинаящейся по чистым и гладким полям, по которой прихаживали туда татары. Почти вся Рязанская губерния полиста и безгорна: кое-где холмится. В каждой ложине хутор или деревенька. Ручей и рошица – суть сокровища в сей стороне. Земля отменно хлебородна. Женщины здешние ходят в шушунах, а на голове носят остроугольные кички, которые придают им необыкновенный рост. Они говорят проезжим: «Добрый господин, касатик», одна другой говорит: «Подруга ластушка». Мужчины великорослы, свежи, белотелы; в обращении несколько суровы. О Рязани, по причине краткого в ней пребывания, не скажу тебе ни слова. Я заметил только, что лучший и огромнейший из всех домов в ней есть дом откупщика. Как разживаются у нас откупщики и французы-учителя!.. Мы полагали, что в таком городе, как Рязань, будет приют для раненых, но им велят убираться в Касимов; мы едем с братом туда. И здесь все волнуется. Бог знает от чего? Народ суетлив!

Сентября 11

Не припомнишь ли ты в прошлогоднем «Вестнике Европы» одной очень остроумной статьи? – Это было какое-то сновиденье, которое теперь можно назвать пророческим. Человек, писавший этот отрывок, сквозь целый год будущего видал сбывающееся ныне. Он видел, – говорит он, – во сне, что будто на Россию сделалось нашествие и Москва окружена татарами! Стон и вопли повсеместны. Но победоносный хан Узлу-к-узлу смягчается слезами нежного пола. Он позволяет каждой женщине вынести на себе то, что ей всего дороже. Зритель во сне с нетерпением ожидает, что или кого станут выносить?.. Наконец, открылись заставы и повалили толпы женщин. У большей части из них ноши были легки: они несли шляпки, шали, ленты, кружева и прочие освященные модою безделки. Иные тащили кипы романов, другие уносили любимых постельных собачек, попугаев, кучи сладких записочек и раззолоченных альбомов. Вдруг мелькает знакомое лицо – жена любопытного зрителя.

С помощью нескольких дюжин горничных девушек тащит она на себе преогромный короб. Вот тут-то, верно, спрятаны дети мои, думает чадолюбивый отец и бежит вслед за женою. Молодая супруга останавливается, бережно опускает короб, с нетерпением открывает его, и – оттуда выскакивает... француз-учитель! Бедный муж ахнул и проснулся. А теперь не проснешься, видя подобные случаи: ибо видишь их наяву!.. С каким старанием сии скачущие за Волгу увозят с собою французов и француженок! Берегут их, как родных детей! Какое французолюбие! Несчастные! Выезжая из чумы, везут с собою вещи, напоенные ядом ее!.. Не совсем-то хорошо и то, что по той же самой дороге, где раненые солдаты падают от усталости, везут на телегах предметы моды и роскоши. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают Купидонов, Венер, а презирают стоны бедных и не смотрят на раны храбрых!!

Гремит гром, но не всякий еще крестится!..

21 сентября. Село Льгово – недалеко от Рязани

Мы уже были в Касимово, но не более двух дней. Три перевязки, сделанные искусным лекарем, встретившимся нам на дороге, облегчили рану брата. Он не захотел тесниться в городе, наполненном великим множеством раненых, и, почувствовав себя в состоянии лечиться при полку, решил ехать в армию. В Касимово любопытно видеть древнее кладбище

⁶⁵ Имеется в виду 1-й кадетский корпус.

татарских ханов и читать надписи на обломках великолепных надгробников; но я не успел ничего видеть. Я только видел большие барки, на которых благородные семейства со всем домом, с каретами, лошадьми и прочим тянулись вниз по реке. Все уплывает, уходит или уезжает! Вот времена! Дай бог, чтобы они скорее кончились и никогда не возобновились!

Как странна упряжь уезжающих! Часто подле прекрасной английской верховой лошади видим мы запряженную водовозную клячу; видим людей, богато одетых в крестьянских телегах! Теперь люди испытывают то, о чем прежде едва ли слышали. Очень редко видим едущих к Рязани; везде оглобли и дышла повозок, и головы лошадей обращены в противоположную сторону.

Сейчас гулял я по берегу Оки и смотрел, как буря играла синими волнами ее и гнала их в далекое пространство открытых степей. В разных местах приметны на берегах Оки огромные горы сыпучего песка: кто насыпал их? веки или наводнения? Песчаные берега, осененные темно-зелеными елями, под туманным небом представляют унылые Оссияновские картины.

Здесь, в Ольгово, есть монастырь на превысокой скале над Окою. Отшельник, живущий в нем, может смотреть в одно окно на Европу, в другое – на реку и степи, идущие к пределам Азии. С одной стороны слышит он шум страстен и стон просвещенных народов, с другой – представляется ему молчаливая природа в величественной важности своей. Полудикие племена, кочующие в дальних степях, не имеют великолепных городов и пышных палат, но зато незнакомы с заботами и горестями, гнездящимися в них!

26 сентября. Город Таруса

В Рязани простились мы с братом Сергеем: он поехал отыскивать жену свою и семейство, которое составляло все утешение, все счастье трудами и бурями исполненной жизни его. Кажется, Плутарх сказал, что брат есть друг, данный нам природою; мы испытали это, особенно в теперешнем странствии.

От Рязани проехали опять Зарайск, потом Каширу и Серпухов.

Какие прелестные места!.. Здесь берега Оки унизаны селениями, расположенными на прекрасных холмах, между зелеными рощицами. Почти на всякой версте видим красивые господские дома, каменные церкви, больницы и сады. Какое приятное соседство! Как счастливы должны быть здесь люди, если только они так хороши, как их природа! Женщины здешние имеют живой, алый румянец на белом лице, белокуры и вообще очень хороши собою. Здесь, верно, проводят приятные летние месяцы в хозяйственных занятиях, во взаимных друг другу посещениях, в прогулках по светло-голубой Оке и живописным берегам ее. Зимой здесь, верно, пользуются таким близким соседством: катаются на легких санях или бегают на коньках по светлому льду из дому в дом. Занимаются приятными разговорами, музыкою, полезным чтением и, важность бесед услаждая невинными забавами, живут в дружбе, любви и простоте, вовсе не заботясь о шумных городах и большом свете. Так думаешь, но совсем не то находишь. К сожалению, с того времени, как французские моды вскружили головы французских питомцев, на Руси изредка стали заглядывать в поместья свои. Собрав сельские доходы, тотчас спешат приносить их на алтарь моде во храмах, воздвигнутых ею в Москве. Французские торговки и рассеянная жизнь все поглощают!.. Питомцы французов, не заботясь о наследии отцов, входят в долги, читают французские романы и не могут поверить, что стране своей родной со счастьем можно в селах знаться!

Опустелые каменные дома и различные заведения свидетельствуют, что здесь некогда люди пользовались выгодами и приятностями сельской жизни. Может быть, теперь, вразумленные пожаром Москвы, сожженной их любимцами, дети возвратятся к благим обычаям отцов своих.

Друг мой! Французы-учителя не менее опасны и вредны французов-завоевателей: последние разрушают царства, первые – добрые нравы, которые неоспоримо суть первейшие

основания всех обществ и царств. Рассказывают, что одна несчастная, не россиянка по воспитанию, слюбившись с французом, воспитателем ее детей, выгнала из дому доброго, честного и генеральский чин уже имевшего мужа своего. Она могла это сделать, ибо, к несчастью, все имение принадлежит ей. Нежный отец украдкой только выдается с детьми своими. Когда велено было всех французов высылать за границу, то этот назвался прежде итальянцем, а потом жидом! Каковы французы! Нет брани, которой бы стоил этот превратный и развратный народ!

Теперь здесь побережье Оки совершенно пусто; все господа уехали в степи от французов, так как прежде, заражаясь иноземною дурью, ездили в Москву и в Париж к французам.

Признаюсь тебе, что сколько я ни люблю прежних французских, а особливо драматических, писателей, однако желал бы, чтоб язык их менее употребителен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному дереву, которого корни подтачивает.

Крайне прискорбно видеть и в армии язык сей в излишнем употреблении. Часто думаешь, что идешь мимо французских биваков! Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я заметил, что люди эти умны только по-французски. Послушай их, говорящих по-русски, – и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исчезают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть фразеры (*fraseurs*), которые умны чужим умом. Память их испещряется выражениями разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество каламбуров, пословиц и памятных стихов (*des vers a retenir*) придают разговорам их какую-то пестроту и приятность... на первый только раз! Однажды спросили у Дидерота, каких он мыслей о том человеке, с которым недавно проговорил целый час? «Он умен», – отвечал Дидерот. Но те, которые знали его коротко, начали смеяться и доказали, что он дурак. «Ну, так я не виноват, – возразил Дидерот, – что он на один только час запасся умом!» Стало, у французов можно запастись умом? По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения, а для этого нужен незаемный ум. Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец!

27 сентября

Я сделал бы великое преступление, если б в то время, как загружаю некоторые письма мои к тебе разными подробностями, не упомянул о деяниях одного из знаменитых соотечественников наших. Эти деяния, весьма полезные теперь, почтенные во всякое время и драгоценные для истории, пролагают сами себе верный путь чрез благородные сердца современников в память и сердца потомков. Я говорю о подвигах доброго, человеколюбивого генерала графа Воронцова. В самых молодых годах, получив одно из величайших наследств в России, он не уснул на розах. Напротив, по стезе трудов и терний пошел за лавровыми венцами. Не стану распространяться о его храбрости – она известна. Но не могу не разделить с тобою удивления моего тому, что ни богатство, в котором так легко черствеют сердца, ни блеск воинской славы не могли отвлечь его внимания от страданий ближних.

Никто больше его не вникал в нужды бедных офицеров, никто не был ближе к принесению им помощи. Он привлекал к себе любовь подчиненных и славился ею еще в то время, как водил отряд свой по вертепам Балканских гор. Отгремев на берегах Дуная, явился он в войсках Второй Западной армии. В день ужаснейшей Бородинской битвы долго отстаивал с преданными ему гренадерами место свое на левом крыле. Наконец, покрытый ранами и славою, с потерей крови и памяти унесен с поля. Теперь, остановясь в одном из своих поместий, лежащем на одной из больших дорог, ведущих из Москвы вглубь России, он открыл весь дом свой к помещению, а сердце к просьбам несчастных. Все раненые офицеры, солдаты и бесприютные странники русские заходят к нему, как в собственный дом. Весьма приличное содер-

жание, пища и покров. Многих благотворительность его оделяет втайне и деньгами. Слухи о сем, доходя до сих мест, восхищают всех истинно русских. А я сердечно рад, когда могу золотить письма мои немерцающим блеском отечественных добродетелей. «Где девал ты свое имя?» – спросил некогда царь Иван Васильевич боярина своего Шереметева. «Чрез руки бедных отправил к богу!» – отвечал он царю. Вот лучшее употребление богатств, употребление, достойное русских вельмож! В царствование Елисаветы, когда проповеди начинали уже становиться необходимыми к умягчению дебеливших в роскоши сердец, Гедеон в одной из проповедей, произнесенной им в день сошествия Св. Духа, жарко вступает за бедных. Он сильно и красноречиво доказывает, что богачи суть люди, которых Бог удостоил быть блюстителями сокровищ земных, не для чего иного, как для вернейшего поддела оных бедным собраниям своим. Ударит последний час, те и другие явятся с отчетом: первые в раздаче, последние в получении. Молитвы бедных отворят врата райские богачам.

Богачи нашего времени! Какой ответ дадите вы, если глас царя небесного или голос Отечества спросит у вас: «Где деваете вы свои имения?» Горе тем, которые, указав на льющееся море роскоши, скажут: «Там утопают они!» Не думаете ли вы, питомцы неги, пресыщаться спокойно отрадами жизни, когда придут грозы и вы по-прежнему в домах расставите ломкие сокровища – зеркала и фарфоры свои? Нет! Тогда громкие стоны бедных, которые роями прилетут к пеплу пожарищ своих, заглушат все песни вашей радости!..

29 сентября

Наконец, среди опустошенных селений, по лесистой проселочной дороге, соединяющей большую Тульскую с Калужской, прибыли мы к Тарутину. Небольшие отряды, рассеянные для фуражирования, служили нам проводниками. Обширное зарево, плававшее на горизонте, еще издали указало место, где стояла армия на биваках. Выезжаем из леса – и видим пространное поле, ряды высоких укреплений; вправо крутые берега Нары, далее представляется множество огней, ярко светящихся в вечерних сумерках, и многочисленное воинство, стройно расположенное в соломенных шалашах по обеим сторонам большой дороги. Веселые клики, повсеместное пение и музыка, в разных местах игравшая, ясно доказывали, что дух войск не был еще удручен печалью. Здесь-то остановились, наконец, храбрые тысячи русских, безмолвно следовавшие за своими вождями, беспрестанно сражавшиеся и при всегдашней победе уступавшие села, города, целые области хищному неприятелю. Здесь остановились они для того, чтобы всем до одного умереть или нанести смертельный удар нашествию.

Около ста тысяч войск чудесно укрепленное местоположение и большое число пушек составляют в сем месте последний оплот России. Но войско наше кипит мужеством; но любовь к отечеству овладела сердцами всего народа; но Бог и Кутузов с нами – будем надеяться!

Сентября 30

На месте, где было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной, и в окрестностях онога явился новый город, которого граждане – солдаты, а дома – шалаша и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов, можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами, водкой. Здесь между покупщиками, между продающими и меняющими, в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди их песен и музыки, забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россия уже за Нарюю...

Отдых, некоторая свобода и небольшое довольство – вот все, что тешит и счастливит военных людей!

1 октября

Брат мой, у которого рана еще не зажила, являясь на службу, был очень благосклонно принят генерал-майором Талызиным и дивизионным начальником своим почтенным генерал-лейтенантом Капцевичем. Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу; и я уже в службе – тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии.

4 октября. Село Тарутино

Сегодня генерал Милорадович взял меня с собой обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг, в корень разоренный смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке, с пустыми карманами, имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов...

К большому моему удовольствию, я познакомился здесь с любезным молодым человеком графом Апраксиным, адъютантом генерала Уварова.

Победа русской армии при Тарутино.

Гравюра. С. Карделли. XIX век

7 октября. Тарутино

Еще звенит в ушах от вчерашнего грома. После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль. Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Третьего дня к вечеру генерал Беннигсен заезжал к генералу Милорадовичу с планами. Они долго наедине советовались. Ночью знатная часть армии сделала, так сказать, вылазку из крепкой Тарутинской позиции. Славный генерал Беннигсен имел главное начальство в этом деле. Генерал Милорадович командовал частью пехоты, почти всей кавалерией и гвардией. Нападение на великий авангард французской армии, под начальством короля Неаполитанского, сделано удачно и неожиданно. Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству. 20 пушек, немалое число пленных и великое множество разного обоза были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманного и счастливо исполненного предприятия. Движениями войск в сем сражении управлял известный полковник Толь, прославившийся личной храбростью и великими познаниями в военном деле. Предупреждаю тебя, что все мои описания с этой поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к пространственным письменным занятиям. Подожди! Когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее описание действий войск под начальством генерала Милорадовича. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не означена в ведомостях; но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой «Ведомостей», а герой истории и потомства.

Скажу тебе, что этот генерал, принявший, по просьбе Князя Светлейшего, начальство над арьергардом после страшного Бородинского сражения, дрался с превосходным в числе неприятелем с 29 августа по 23 сентября, т. е. 26 дней непрерывно. Некоторые из этих дней, как то: 29 августа, 17 сентября и 20 и 22 того же месяца, ознаменованы большими сражениями, по десяти и более часов продолжавшимися. Известно ли все это у вас?

9 октября. Дача Кусковникова близ Тарутина

Как живуч может быть человек!.. Сегодня поехал генерал Милорадович, и мы все за ним, осматривать передовые посты, оставшиеся на том самом месте, где было сражение. В разных местах валялись разбросанные трупы, и между ними один, весь окровавленный, казалось, еще дышал. Все остановились над ним. Этот несчастный, за три дня пред сим оставшийся здесь в числе мертвых, несмотря на холодные ночи, сохранял еще в себе искру жизни. Сильный картечный удар раздробил ему половину головы: оба глаза были выбиты, одно ухо, вместе с кожей и частью черепа, сорвано; половина оставшейся головы облита кровью, которая густо на ней запеклась, и за всем тем он еще жил!.. Влили ему в рот несколько водки, игра нерв сделалась живее... «Кто ты?» – спрашивали у него на разных языках. Он только мычал. Но когда спросили наконец: «Не поляк ли ты?», он отвечал по-польски: «Да!» «Когда ранен?» – «В последнем деле, то есть третьего дня». – «Чувствуешь ли ты?» «Бывают минуты, когда чувствую – и мучусь!» – отвечал он с тяжким вздохом и просил убедительно, чтоб его закололи. Но генерал приказал дать ему опять водки и отвезти в ближайшую деревню. – Нет, друг мой! Славный Гуфланд еще не все изъяснил нам в красноречивейших умствованиях своих о жизни. Надобно было ему увидеть этого несчастного, чтоб понять, сколь долго сей тончайший духовный спирт⁶⁶ может держаться в полураздробленном скудельном сосуде своем.

Вчера приехал к нам из Пажеского корпуса сын Г.П. М-ча, о котором я тебе столько раз писал и которого благорасположение ко мне поставляю в великой цене. Сын его, племянник генерала нашего, – прекрасный, благовоспитанный молодой человек. Я душевно рад, что он

⁶⁶ Выражение из сочинений Гуфланда.

остается у нас. Теперь он был вместе с нами и в первый раз отроду видел поле сражения, где хотя замолкли громаы, но еще не обсохла кровь. Генерал приказывал ему смотреть на все внимательнее, чтобы привыкать к ужасам войны. В самом деле, посинелые трупы, кровью и мозгом обрызганные тела, оторванные руки и ноги, в разных местах разметанные, должны возмущать мирные чувства кроткого юноши, пока не привыкнет он к таковым плачевным, но необходимым позорищам⁶⁷!

Мы теперь переместились со всем дежурством в один огромный каменный дом, который, по-видимому, был некогда убран богатою рукою. Теперь все изломано и разорено. На биваках у казаков сгорают диваны, вольтеровы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, кушетки, козетки и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные баловни ее, увидев это в другое время?

23 октября. Город Вязьма

Среди дымящихся развалин города, под громом беспрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!.. Торжествуйте великое празднество освобождения Отечества!.. Враги бегут и гибнут; их трупами и трофеями устилают себе путь русские к бессмертию. До сих пор я не имел ни одной свободной минуты. В течение 12 суток мы или шли, или сражались. Ночи, проведенные без сна, а дни в сражениях, погрузили мой ум в какое-то затмение – и счастливейшие происшествия: освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого Ярославца, его бегство – мелькали в моих глазах, как светлые воздушные явления в темной ночи. Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем. Итак, я скажу несколько слов только о том, что при свободном досуге надобно бы описать на нескольких страницах. Еще повторяю, что о делах генерала Милорадовича (который почти всякий раз доносит главнокомандующему в двух или трех строках, не более того, что он отразил или побил неприятеля там и тогда-то) я постараюсь представить тебе подробнейшее описание, если останусь жив и записная книжка моя уцелеет.

Вскоре после Тарутинского дела, 6 октября, Князь Светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву, намерен прорваться в Малороссию. Генерал Дохтуров, с корпусом своим, отряжен был к Боровску. Вслед за ним и вся армия фланговым маршем передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собой ворота Малороссии и была свидетельницей жаркого боя между нашим 6-м и 4-м французским корпусами при Малом Ярославце.

Генерал Милорадович, сделав в этот день с кавалерией 50 верст, не дал отрезать себя неприятелю и поспешил к самому тому времени, когда сражение пылало и присутствие его с войсками было необходимо. Фельдмаршал, удивленный такой быстротой, обнимал его и называл крылатым. В наших глазах сторел и разрушился Малый Ярославец. На рассвете генерал Дохтуров с храбрыми войсками своего корпуса присоединился к армии, которая двинулась еще левее и стала твердой ногой на выгоднейших высотах.

Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день жизнь генерала была в явной опасности, и провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпой с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «В вас целят, ваше превосходительство!» – и пули засвистали у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После этого генерал Ермолов, прославившийся и сам необычайной храб-

⁶⁷ Позорище (устар.) – зрелище.

ростью, очень справедливо сказал в письме Милорадовичу: «Надобно иметь запасную жизнь, чтоб быть везде с вашим превосходительством!» Через два дня бегство неприятеля стало очевидно, и наш арьергард, сделавшись уже авангардом, устремился преследовать его. Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды – вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязьме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой, ибо до того времени один генерал Платов теснил его летучими своими отрядами. Вчера началось сражение, с первым лучом дня, в 12 верстах от Вязьмы. У нас было 30 000, а вице-король итальянский и маршалы Даву и Ней наставили против нас более 50 000. Неприятель занимал попеременно шесть выгоднейших позиций, но всякий раз с великим уроном сбиваем был с каждой победоносными нашими войсками. Превосходство в силах и отчаянное сопротивление неприятеля продлили сражение через целый день. Он хотел было непременно, дабы дать время уйти обозам, держаться еще целую ночь в Вязьме и весь город превратить в пепел. Так уверяли пленные; и слова их подтвердились тем, что все почти печи в домах наполнены были порохом и горючими веществами. Но генерал Милорадович, послав Паскевича и Чоглокова с пехотой, которые тотчас и ворвались с штыками в улицы, сам с бывшими при нем генералами, устроив всю кавалерию, повел в объятый пламенем и неприятелем наполненный еще город. Рота конной артиллерии, идя впереди, очищала улицы выстрелами; кругом горели и с сильным треском распадались дома; бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались; неприятель стрелял из развалин и садов; пули свистели по улицам. Но, видя необоримую решимость наших войск и свою гибель, оставил он город и бежал, бросая повсюду за собой зажигательные вещества. На дымящемся горизонте угасало солнце. Помедли оно еще час – и поражение было бы совершеннее; но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров. До пяти тысяч пленных, в числе которых известный генерал Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Неприятель потерял, конечно, до 10 000. Путь на 12 верстах устлан его трупами. Генерал Милорадович остановился в том самом доме, где стоял Наполеон, и велел тушить горящий город. Сегодня назначен комендант, устроена военная полиция, велено очищать улицы от мертвых тел, разослано по уезду объявление, сзывающее жителей к восстановлению по возможности домов и храмов Божьих в отечественном их городе, исторгнутом ныне из кровавых рук нечестивых врагов.

Со временем благородное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуют цену этого великого подвига и воздадут должную благодарность освободителю их города. Пусть поставят они на том самом поле, где было сражение, хотя не многоценный, но только могущий противиться временам памятник, и украсят его, по примеру древних, простой, но всеобъемлющей надписью: «От признательности благородного дворян сословия и граждан Вязьмы начальствовавшему российским авангардом генералу от инфантерии Милорадовичу за то, что он, с 30 000 россиян, разбив 50-тысячное войско неприятельское, исторгнул из рук его горящий город их, потушил пожары и возвратил его обрадованному Отечеству и утешенным гражданам в достопамятный день, 23 октября 1812 года». В одержании победы участвовали: известный генерал граф Остерман; князь Сергей Николаевич Долгорукий, который, отличаясь прежде на дипломатическом поприще, горел желанием служить в Отечественной войне и променял перо на шпагу. Но, служа в поле, он не перестает украшать бесед своих той же неподражаемой остротой ума, которой блистал некогда при дворах государей. Русские ко всему способны!.. Генералы: Ермолов, Паскевич, Олсуфьев и Чоглоков – храбростью и благоразумием своим содействовали к совершенному поражению врага. Полковник Потемкин со свойственным ему мужеством, как начальник штаба по авангарду, наблюдал за движениями наших войск в опаснейших местах. Перновский и Белозерский полки и батарейная рота Гулевича отличались.

P.S. В это самое время, как я пишу к тебе, генерал Вильсон, бывший личным свидетелем вчерашнего сражения, описывает также это своим соотечественникам. Из Петербурга нарочный отправится с известием об этой победе в Лондон.

26, в два часа пополудни. Дорогобуж

Вот сейчас только кончился штурм крепостного замка в Дорогобуже. Мы вырвали его из рук французов, захватили город, который они уже начали жечь, и провожали их ядрами, покуда не скрылись из наших глаз; а теперь сильная буря, веющая к западу, и генерал Юрковский с легкой конницей гонят их далее. Стужа увеличилась, метель затемнила воздух. Мы забрались в дом к протопопу, в котором уцелели окна и немного тепло. Я нашел старую чернильницу, отмочил засохшие чернила и пишу к тебе, как могу. Помедлив несколько в Вязьме, я должен был скакать 30 верст, чтоб догнать наши войска, неослабно преследовавшие неприятеля. Я ехал вместе с генералом Вильсоном, который не отстает от авангарда и по доброй воле бывает в огнях. В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают; смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конские кости. – Так караются враги, дерзающие наступать на святую Русь! Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию в дни малолетства царя Ивана Васильевича. «Великие снега и морозы познобили татар; а остальных “казаки добивали”», – так говорит Царственная книга. Во все эти дни неприятель беспрестанно забавлял нас потешными огнями: он подрывал много своих пороховых ящиков. Бог знает каких только неистовств не делает этот неприятель! Он отряжает нарочные толпы для сжигания деревень, прикалывает наших пленных и расстреливает крестьян. Зато и крестьяне не спускают им! Большими ватагами разъезжают они с оружием по лесам и дорогам, нападают на обозы и сражаются с толпами мародеров, которых они по-своему называют миродерами. По их толкам это люди, обдирающие мир!

Генерал Вильсон говорит, что война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной. Мой друг! Молнии и зарницы электрической своей силой способствуют зрелости жатв; молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. Таков порядок вещей под солнцем!..

Я не сказал тебе еще о сегодняшних трофеях наших. Они состоят в 600 пленных и двух пушках. Все это досталось нам после довольно жаркого боя. Укрепленные высоты Дорогобужа должны мы были взять открытым штурмом, а из города выйти неприятеля заставил генерал Милорадович искусным направлением дивизии принца Виртембергского в обход слева. Пожар начал было распространяться и здесь, но густым снегом и усердием наших солдат был потушен. Тут также оставляется комендант, которому поручено сзывать жителей на прежние их жилища. Надо видеть наших солдат, без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно взлетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как принято освобождать города своего Отечества! 4-го егерского полка майор Русинов, получив рану в руку при начале штурма, велел поддерживать себя солдатам и продолжал лезть на вал; через несколько минут ему прострелили ногу, и солдаты вынуждены были снести его в ров. Но этот храбрый офицер до тех пор не приказывал уносить себя далее и не переставал ободрять солдат, пока не увидел их уже на высоте победителями. Это тот самый, который вышел одним выпуском прежде нас из корпуса.

Представь себе, друг мой, что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы только пепел и развалины; но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробах отцов своих! Теперь

сходен я с кометой, которая не успеет приблизиться к солнцу, как вдруг косвенным путем удаляется опять от него на неизмеримые пространства. Завтра мы едем отсюда, но не в Смоленск, а боковыми, неизвестными путями и дорогами, через леса и болота... После узнаешь ты об этом искусном и, конечно, гибельном для французов движении наших войск.

7 ноября. На поле близ Красного

Видишь ли, какой мы сделали шаг! От Дорогобужа прямо к Красному. Смоленск и Днепр остались у нас справа. Тихо подкрались мы к большой дороге, из Смоленска в Красное. Неприятель полагал нас за тридевять земель; а мы, как будто из-под земли, очутились вдруг перед ним! Это впрямь по-суворовски! Теперь называют это фланговым, или боковым, маршем, 3-го числа ноября показались мы из лесов против деревни Ржавки. Неприятель шел по большой дороге спокойно и весело: наступившая оттепель отогрела жизненные силы этих питомцев благодетельного климата их отечества. Великие обозы с северными гостинцами тянулись между колонн. Генерал Милорадович приказал тотчас нападать. Неприятель остановился, сыпнул в овраги и паростники множество стрелков, выставил между берез, по высотам дороги, легкие орудия; а тяжелой артиллерии и обозам, в сопровождении своей конницы, велел спастись вперед. Наши наступили с обыкновенным мужеством – и дело загорелось! Но, несмотря на великое превосходство в силах неприятеля перед нами, он был мгновенно сбит с большой дороги, поражаем в полях и одолжен спасением одной только темноте ночной и ближним лесам, в которых скрылся. Знамена, пушки, пленные и множество обоза наградили победителей, на первый раз, за трудный фланговый марш. Впереди нас видна была деревня; генерал Милорадович хотел в ней провести ночь, ему говорят, что там еще французы. Он посылает казаков истребить их – и мы там ночевали. После этого 4, 5 и 6-го числа, три дня сряду, проводили в непрерывных сражениях. Всякий вечер отбивали у французов ночлег в нескольких верстах от большой дороги. С каждой утренней зарей, коль скоро с передовых постов приходило известие, что колонны показались на большой дороге, мы садились на лошадей и выезжали на бой. Наполеону очень не нравилось, что генерал Милорадович стоит под дорогой и разбивает в пух корпус его; но делать нечего!.. Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнее всех прочих. Вчера. – О! Восхищайся, друг мой, столь знаменитой победой: вчера генерал Милорадович разбил совершенно тридцатитысячный корпус под предводительством искуснейшего из маршалов Наполеона – Нея, недавно прозванного им князем Москворецким. Неприятельский урон чрезвычайно велик. Все четыре начальствовавших генерала убиты. Места сражений покрыты горами неприятельских тел. В эти четыре для нас победоносных дня потеря неприятеля, наверно, полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых, сколько ты думаешь? – 22 000; пушек – 60!.. Поля города Красного в самом деле покраснели от крови. В одержании этих четверодневных побед много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки. Отважными нападениями конницы предводительствовал генерал Уваров. Артиллерия оказала громадные услуги. Полковник Мерлин командовал ею в авангарде. Его рота и рота отважного капитана Башмакова покрыли себя славой. Действия пушек искусного и храброго Нилуса под Смоленском и Гулевича под Вязьмой останутся навсегда памятны французам. Остальные 600 из разбитого Неева корпуса, укрепившиеся с пушками в лесах, прислали уже поздно к вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному, только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до последнего. Французы называют Милорадовича русским Баярдом; пленные везде кричат ему: «Да здравствует храбрый генерал Милорадович!» Его и самые неприятели любят, вероятно, за то, что он, сострадавая о них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным. После всего этого ты видишь, что трофеев у нас много; лавров девать некуда; а хлеба – ни куска... Ты не поверишь, как мы голодны! По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск наши обозы с

сухарями отстали; все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел. Разбитые французские обозы доставили казакам возможность завести такого рода продажу, о которой ты, верно, не слыхивал. Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мертвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!! За сто рублей бумажками покупают обыкновенно мешок серебра, в котором бывает по сто и более пятифранковых монет. Отчего ж, спросишь ты, сбывают здесь так дешево серебро? – Оттого, что негде и тяжело возить его. Однако ж куплею этой пользуются очень немногие: маркитанты и прочие нестроевые. Но там, где меряют мешками деньги, – нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью! Все почти избы в деревнях сожжены, и мы живем под углами в шалашах. Как жалко смотреть на пленных женщин! Их у нас много. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрасную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Однако ядро лишило их жизни, может быть, в минуту последнего прощания. Тогда же, в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем, двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния⁶⁸, взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда. Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отвести на свою квартиру. С того времени их возят в его коляске. Пьер и Лизавета, один 7, а другой 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети. Всякий вечер они, сами собой, молятся богу, поминают своих родителей и потом подходят к генералу целовать его руку.

Теперь эти бедняжки все вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного и вдруг вместе закричали: «Вот наш батюшка!» В самом деле это был отец их, полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их – немка – убита. Рассказать ли тебе об ужасном состоянии людей, которые давно ль были нам так страшны?.. Но меня зовут к генералу. Прости до первой свободной минуты!..

Оттуда же и того же дня

Мой друг! В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов обезчеловечившимся народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! Зато как они гибнут: как мухи в самую позднюю осень!.. У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибали в минуты исступления, со скрежетом зубов и пеною на устах. На сих лицах не успело водвориться и спокойствие смерти⁶⁹. Те, которые не совсем еще обезумели, беспрестанно просят есть; а накорми их досыта теплым кушаньем – умирают! Но большая часть из них совсем обезумели; бродят, как слепые. Вчера я видел одного, который в самом пылу сраженья с величайшим хладнокровием мотал клубок нитки и сам с собой разговаривал, воображая, что он сидит дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы оправдали кое-как одну избу, законопатали стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стнящих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли они теплый дух, как со страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их несколько десятков. Одни валя-

⁶⁸ Речь идет о персонажах романтической идиллии «Поль и Виргиния» французского писателя Бернардеша де Сен-Пьера (1737–1814).

⁶⁹ Сие выражение принадлежит почтеннейшему А.С. Шишкову.

лись под лавками и на полу, другие на верхних полатах, под печью и на печи. Мы принуждены были помостить себе несколько досок с лавки на лавку. Отягченные усталостью, уснули на них. Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов, на всех почти европейских языках, вопили, жаловались или изрыгали проклятие на Наполеона! Тут были раненые, полузамерзшие и сумасшедшие. Иной кричал: «Помогите! Помогите! Кровь льется из всех моих ран! Меня стеснили!.. У меня оторвали руку!» «Постойте! Удержитесь! Я еще не умер, а вы меня едите!» – кричал другой. В самом деле, они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет; что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стопа, вздохов, визга и скрежета зубов раздавался ужасный хохот... Какой-нибудь безумный, воображая, что он выздоровел, смеялся, сзывая товарищей: бить русских! А вслед за этим слышен был в другом углу самый горестный, сердце раздирающий плач. Я слышал, как один молодой поляк, увидев, конечно, во сне, родину свою, говорил громко, всхлипывая: «Я опять здесь, о мать моя!.. Но посмотри, посмотри, как я весь изранен! Ах! Для чего ты родила на свет несчастного?»

Когда рассвело, мы нашли несколько умерших над нами и под нами и решились лучше быть на стуже в шалаше. Между сими злополучными жертвами честолюбия случился один заслуженный французский капитан, кавалер Почетного легиона. Он лежал без ноги под лавкой. Невозможно описать, как благодарил он за то, что ему перевязали рану и дали несколько ложек супу. Генерал Милорадович, не могший равнодушно видеть сиих беспримерных страдальцев, велел все, что можно было, сделать в их пользу. В Красном оправили дом для лазарета; все полковые лекари явились их перевязывать; больных обделили последними сухарями и водкой, а те, которые были поздоровее, выпросили себе несколько лошадей и тотчас их съели!⁷⁰ Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленях лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища, говорил мне: «Возьми меня: я могу быть полезен России – могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти выморозки поправятся, и наши расхватают их по рукам – в учителя, не дав им даже и очеловечиться...

10 ноября. Местечко Баево

Вчера перенесли мы знамена свои за древние рубежи нашего Отечества. Перейдя речку Мерейку, мы вступили уже в Могилевскую губернию. Теперь главная квартира авангарда в местечке Баево, что на одной высоте с м. Лядами, на большой дороге. И так ныне уже ясно и никакому сомнению не подвержено, что одно постоянное продолжение сей войны увенчивает ее столь блистательными успехами. Если б заключили мир при Тарутине, как бы ни был он выгоден, Россия не имела б ни лавров, ни трофеев, ни драгоценнейшего для всякого уверения, что Наполеон уже никогда не возвратится разорять пределы ее. Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе Всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед.

Известно, однако ж, что Наполеон, прежде нежели решился оставить Москву, истощал все усилия для заключения мира. Мудрый Кутузов заводил в сети ослепленного страстями и гордостью этого нового Навуходоносора. Он старался выиграть время, доколе подоспеет к нам вернейшая союзница – зима!

Но твердость государя в этих смутных обстоятельствах достойна хвалы и удивления современников и потомства. Исполненный духом предвидения, он пребывал непоколебим, как гранитный утес среди мятежных морей!

⁷⁰ 6000, сдавшихся добровольно, препровождены были тотчас, со всевозможными выгодами, в главную квартиру. Им оставили даже повозки с грузом, бывшие при них, и все, кроме оружия.

«Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить в смуром кафтане, чем заключу теперь мир с разорителем Отечества!»

Так отвечал монарх на предложение о мире. Слух об сем дошел к нам в армию. Такие изречения государей подслушивает история и с благоговением передает отдаленнейшим родам.

Мой друг! Настоящее повторяется в будущем так, как прошедшее – в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славою...

14 ноября. Город Борисов

Ушла лисица, только хвост в западне остался⁷¹!. Никакой человеческий ум не может сделать соображений лучше тех, какие сделаны были князем Кутузовым, и принять лучших мер, какие принял он для поимки Наполеона у реки Березины в городе Борисове. Одна непостижимая судьба могла спасти его, может быть, для того, чтобы карать им еще человечество! Адмирал Чичагов с армией своей слева вниз, а граф Витгенштейн справа вверх по течению реки сближались один против другого, дабы сомкнуть войска свои, как две стены, в том месте, где мог переправиться неприятель, за которым шла армия Кутузова и которого неослабно преследовали граф Платов с казаками, генерал Милорадович с авангардом, генералы Ермолов и Бороздин с летучими отрядами.

Бегство армии Наполеона из России.
Гравюра. Христиан Вильгельм фон Фабер дю Фор.
Середина XIX века

⁷¹ Имеется в виду ложный маневр, с помощью которого Наполеону с остатками «великой армии» (ок. 30 тыс. человек) удалось ускользнуть на Березине от преследования намеревавшихся его пленить адмирала Чичагова и графа Витгенштейна.

Все эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусов. Мы шли проселочными дорогами. Артиллерия наша прорезывала пути по глубоким снегам; пехота и конница пробирались дремучими лесами, и при всем этом несколько переходов сделано по 40 верст в день. Не забудь, что в зимний день!

Дух великого Суворова, конечно, веселился, взирая с высот на столь быстрое шествие победоносных россиян. Сбылся стих великого поэта:

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины!

Жаль, однако ж, что все наши труды были напрасны!.. Наполеон уже за Березиной!.. Граф Витгенштейн тем же самым громом, который бросал на Клястицких полях⁷², отбил у переправлявшегося неприятеля один из задних его корпусов, и 12 тысяч, увидев себя окруженными, положили оружие. Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит!.. Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печью и заползают в камин. Они страшно воют, когда начнут их выгонять. Недавно вошли мы в одну избу и просили старую хозяйку протопить печь. «Нельзя топить, – отвечала она, – там сидят французы!» Мы закричали им по-французски, чтоб они выходили скорее есть хлеба. Это подействовало. Тотчас трое, черных как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами.

Каждый предлагал свои услуги. Один просился в повара; другой – в лекаря; третий – в учителя! Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь.

В самом деле, если вам уж очень надобны французы, то вместо того чтоб выписывать их за дорогие деньги, присылайте сюда побольше подвод и забирайте даром. Их можно ловить легче раков. Покажи кусок хлеба – и целую колонну сманишь! Сколько годных в повара, в музыканты, в лекаря, особливо для госпож, которые наизусть перескажут им всего Монто; в друзья дома и – в учителя! И за недостатком русских мужчин, сражающихся за отечество, они могут блистать и на балах ваших богатых помещиков, которые знают о разорении России только по слуху! И как ручаться, что эти же запечные французы, доплезя до России, приходясь и приосанясь, не вскружат голов прекрасным россиянкам, воспитанницам французенок!.. Некогда случилось в древней Скифии, что рабы отбили у господ своих, бывших на войне, жен и невест их. Чтоб не сыграли такой штуки и прелестные людоеды с героями русскими!..

16 декабря. Вильна

В начале октября был я несколько сот верст за Москвою, в Рязани, в Касимово, на берегах Оки. В ноябре дрались мы уже на границах Белоруссии, а 16 декабря пишу к тебе из Вильны. Так мыкается друг твой по свету! Такими исполинскими шагами шло войско наше к победам и славе!.. Но сколько неслыханных, невообразимых трудов перенесло войско! Сколько вытерпел друг твой! Однако ж я здоров! Через шесть дней буду в Гродне. Армия остается еще здесь, чтоб взять хоть малейший роздых. Авангард идет в Гродню, которая со всеми магазинами своими сдалась партизану Денису Давыдову. Наполеон бежит к Неману.

На сих днях изволил прибыть сюда государь император. Победоносное воинство и отягченный лаврами князь Смоленский встретили его. Вскоре прибыл и цесаревич. Радость сделалась общей. Все окрестное дворянство стеклось в город – и город заблестал разноцветными огнями освещений. Различные прозрачные картины представляли Россию торжествующей, Александра – милующим преступных, Наполеона – бегущим. Известно стало, что эти картины

⁷² Клястицкие поля – севернее г. Полоцка, в районе которого произошло сражение между войсками корпуса генерала П.Х. Витгенштейна и французскими войсками маршала Удино.

рисовал тот самый живописец, который за несколько перед этим месяцев изображал те же лица, только в обратном смысле, для освещения и в честь Наполеону. Так же профессор, который протрубил теперь негромкую оду в честь русским, славил прежде французов. Таковы люди!

Трудно достигнуть человеку до степени славы, какую озарен Князь Светлейший! Но еще труднее быть, как он, столько ж славну, как и любиму. Он позволил офицерам тепло одеваться в морозы и веселиться, где можно, – и очаровал души! Недавно докладывали ему: не прикажет ли запретить офицерам забираться в трактир, находившийся против самых его окон, где они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте их в покое, – отвечал Князь, – пусть забавляются, мне приятно слышать, как они веселятся! Люди, освободившие Отечество, заслуживают уважения. Я не люблю, чтоб главная квартира моя походила на монастырь. Веселость в войске доказывает готовность его идти вперед!»

О! Он знает сердце человеческое! Он знает, что одной ложкой меда больше можно смазать мух, нежели целой бочкой уксуса.

18 декабря

Я два раза навещал одного из любезнейших поэтов наших, почтенного В.А. Жуковского. Он здесь, в Вильне, был болен жестокой горячкой; теперь немного обмогается. Отечественная война переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего Отечество, вместе с другими увлек и его из круга тихомирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани. Как грустно видеть страдание того, кто был таким прелестным певцом во стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами! Мой друг! Эта война ознаменована какой-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели – из объятий независимости и муз, чтоб стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссияна, пели и под шумом военных бурь.

21 декабря. На пути в Гродно

Не правда ли, что очень приятно найти прекрасный куст розы в дикой степи? Точно так же радуется нас хороший дом в разоренной стороне. Мы испытали приятность такой находки, проезжая из Вильны в Гродно. Гродня есть прекрасный сельский дом сестры покойного короля, графини Тишкевичевой. Везде и во всем виден изящный вкус: в выборе места для дома, в расположении комнат и в уборке их; но более всего понравились нам картины.

Захочешь насладиться приятным утром – взглянешь на стену – и видишь в картине все прелести его. Как синь и прозрачен этот воздух! Как легки эти дымчатые облака! Как хороши первые лучи солнца! Кажется, видишь, как эти лучи яснеют, как воздух становится светлее; туман редет, цветки просыпаются, птички стряхивают с крылышек жемчужную росу, и все в улыбке! В дополнение видишь невинность. В виде прелестной пастушки, с свежим, утренним румянцем на щеках и с пестрым стадом. Тут же вечер: как хорош! Не волшебник ли какой-нибудь собрал сизые тени вечерних сумерек и бросил их на холст? Они так живо изображены! Вот подлинник лучшего из польских живописцев. Вижу сражение, конный бой или, лучше сказать, жаркую схватку, в которой отличается один человек на дикой лошади, которая скачет через груды тел, бесится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать все, что ни встречает. Кто же этот человек, у которого епанча свалилась с плеч; который в бешенстве ратном растерзал на себе одежду и обнажил до половины тело свое? С длинным ножом в руке, которым бьет лошадь и неприятелей, скачет он, как безумный, сквозь пули и картечи, пена клубится у рта. Ясно видно, что судьба его зависит от выигрыша сражения. Он стремится во что бы то ни стало одержать победу. Герой покоен в бою: победа сама находит и венчает его лаврами; а это, верно, не герой, ибо силится сорвать венец награды; верно, не полководец, ибо, забывая себя, хочет победить одной неистовой храбростью. Кто ж это такой? Картуш! Кисть живописца прекрасна

и смела; но краски, кажется, слишком блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость в картине. Нет простоты, свойственной великим художникам.

На стенах других комнат видны римские развалины, прекрасные виды, водопады, которые, кажется, брызжут на того, кто на них смотрит. В этом прелестном доме вижу я живописную Италию – и теряюсь в сладких мечтах о ней. Я вижу страшную Этну, в черной ночи, в красных заревах, с желтыми оттенками; вижу, как блещут изломчатые молнии, как кипит свирепая лава; как огненное жерло стреляет вверх буграми, как трескают на воздухе громады и сыплется камедный дождь! Вижу – и пугаюсь: так это все живо!..

Как прелестны искусства! Они обворажают смертных; они очаровали и нас, странников!

26 декабря. Гродно

На этих днях графиня Орлова-Чесменская прислала генералу Милорадовичу меч и саблю, подаренную великой Екатериной покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление флота при Чесме. В то время когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонил его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и поправить гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя первому порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что могила храброго отечеству священна! Но дочь, благоговейшая к праху родителя, приняла в полной цене этот подвиг и, при лестном письме, прислала драгоценный меч герою, которому за несколько перед этим лет благодарный народ Валахский⁷³ поднес меч «за спасение Букареста». Действительный статский советник Фукс, со свойственным ему красноречием, описал случай этот в нескольких строках, которые тебе и посылаю.

«Двора их императорских величеств фрейлина, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, прислала к генералу от инфантерии Михаилу Андреевичу Милорадовичу саблю, всемиловитейше пожалованную в бозе почивающей императрицею Екатериною Александровною покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление при Чесме турецкого флота, при письме, лестных для него выражений исполненном, за спасение им в нынешнюю войну деревень ее, а особливо той, где погребен родитель ее. Меч сей дарован великою Екатериною герою Чесменскому за истребление оттоманского страшного морского ополчения на водах Азии, в виду берегов древние Эллады и Ионии. Там в первый раз возвел флаг Российский: гром с севера ударил, флот исчез, и луна померкла. Сей меч, украшенный драгоценнейшими камнями, щедротами бессмертные монархини, есть бесценное знамение величия тогдашней славы России и неистлеваемый памятник в роде родов Орловых. Но дочь, благоговейшая к памяти родителя своего, к священному для нее праху его, подносит блистательный залог сей знаменитому воину, не допустившему нечестивого врага коснуться сей гробницы. Милорадович приемлет оный с глубочайшею, живейшею признательностью; но обещает ей извлечь оный токмо за пределами Отечества на поражение возмутителей спокойствия народов, буде провидению паки угодно будет избирать его орудием, и не прежде возложить на себя, доколе не соделается достойным подарка, полученного из рук россиянки, пламенеющей любовью к Отечеству и отцу».

28 декабря

«Выступил, ушел, вырвался, убежал!» из отечества нашего новый Катилина. Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! Александр Первый готов положить меч свой; но Европа, упавая перед ним на колени и с воздетыми к небу руками, молит его быть ее спасителем и, подобно древнему Александру, рассечь мечом новый гордиянский узел тяжелых вериг ее плена. Некогда монарх сказал Кутузову: «Иди спасать Россию». Теперь, кажется,

⁷³ Валахия – юго-западная часть Румынии.

слышен в небесах голос самого бога, вещающий Александру Первому: «Гряди освобождать Европу!» Итак, зачем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые книги. «Удача в мире сем священнее всех прав!» – думал вождь галлов. – Так думал и вождь татар! Батый и Наполеон по кровавому морю хотели приплыть к храму славы. Но кровь пролита; а храм славы заперт для них. Их мавзолеей – проклятие народов!

Сам Цицерон, если б он воскрес теперь, не мог бы, кажется, лучше изобразить насильственного вторжения врагов в землю русскую, твердости государя, народа и ужасного гнева раздраженного Бога, постигшего эти разноплеменные орды среди торжеств и злодеяний их, как все это изображено в манифесте, обнародованном в Вильне. Он начинался такими словами: «Бог и весь свет тому свидетель и проч., и проч., и проч.».

P.S. Новый порядок устанавливается в дежурстве нашем: всякий будет иметь свою определенную часть.

Храбрый полковник Потемкин, исправлявший должность начальника штаба, произведен в генералы и назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка; а начальником штаба по авангарду определен, по высочайшей воле, флигель-адъютант его величества полковник Сипягин, который еще в капитанском чине отличил себя во всех четырех сражениях при Красном.

1 января. 1813 г. Город Гродно

Наконец, минул сей 1812 год. Каким шумом, блеском и волнением ознаменовалось шествие его в мире! Ежели говорить языком стихотворцев, придавая всему лицо и существенность, то я воображаю, что сей год, обремененный славой и преступлениями, важно вступает в ворота вечности и гордо вопрошает неисчислимые сонмы протекших годов: кто более его обогрен кровью и покрыт лаврами; кто был свидетелем больших превратностей в судьбах народов, царств и вселенной? Встают века Древнего Рима, пробуждаются времена великих браней, славных полководцев, века всеобщего переселения народов... Напрасно! Древняя история, кажется, не найдет в себе года, который во всех многообразных отношениях мог бы сравняться с протекшим. Начало его наполнено мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи сгущались на Западе. Вслед за пламенной кометой многие дивные знамения на небе явились. Люди ожидали будущего, как Страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но эта обманчивая тишина была предвестницей страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию. Бог предал ее на раны, но защитил от гибели. Россия отступила до Оки и с упругостью, свойственной силе и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ее сделались пространством гробом неисчислимым врагам. Русский, спаситель земли своей, пожал лавры на снегах ее и развернул знамена свои на чужих пределах. Изумленная Европа, слезами и трауром покрытая, взирая на небо, невольно восклицает: «Велик Бог земли русской, государь и народ ее!» «Велик Кутузов, полководец мудрый», – говорит история и вместе с именем его пишет на золотых скрижалях своих 1812 год.

2 января. Гродно

Вчера ввечеру было здесь так называемое Казино собрание по билетам. Дом собрания был освещен. Прекрасные патриотки, мнимые любительницы отечества, сначала очень неласково смотрели на пригожих победителей своих – русских офицеров. Они хотели казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потере ее; хотели плакать... но заиграли мазурку – и все пустились кружиться. Кажется, польским женщинам менее всего должно бояться покорения: их ловкость, ум и прекрасные глаза издавна доставляли им победы над сердцами мужчин. Жаль, однако, очень жаль, что и польки поработились парижским дурачеством!

Января 4. Местечко Гонендз

Гонендз, пограничное местечко в области Белостокской над рекою Боброю, имеет около 200 домов. Оно окружено обширными болотами и необозримыми понизовыми местами. Теперь, зимою, здесь вид прекрасный; а летом все должно плавать в воде, кроме местечка, стоящего на огромном каменисто-песчаном возвышении. Большую часть жителей составляют евреи. Здесь-то назначено сборное место всему авангарду генерала Милорадовича. Он состоит из 6-го и 7-го пехотных, двух кавалерийских корпусов и летучего графа Палена отряда. Отряд генерал-майора Васильчикова также к нему принадлежит.

6 января. Гонендз

Завтрашний день переходим мы за границу; завтра ступим на землю, никогда еще России не принадлежавшую. Вся армия выступает в герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Сим колоннам дано столь искусное, верное и для нас выгодное направление, что движением их по разным путям в одно время займется вдруг все пространство от Данцига до Варшавы. Самая столица сия, в случае сопротивления ее, будет обойдена и мгновенно стеснена со всех сторон. Кто же есть тайною пружиной этого стройного, искусного движения войск? – Тот же, кто был причиною столь быстрого и для нас счастливого оборота в великих происшествиях протекшего года, – старец Кутузов. Сам государь неразлучен с ним, с войсками и славою.

Гонендз. 7 января поутру

При выступлении за границу генерал Милорадович отдал приказ, чтобы во всех полках служили молебны в возблагодарение Богу, управляющему судьбой браней за счастливое окончание Отечественной войны, моля: да осенит и прославит он и впредь оружие российское, подъемлемое на освобождение царств и народов!

7 января, М. Радзвилово

Мы уже за границей. Порядочные дороги через болота, каменные заборы в полях, изрядные крестьянские дома с прекрасными садиками и прочие заведения уподобляют сторону эту немецким краям. Здешние места вообще наполнены болотами и лесами. Почва земли камениста. От Гонендза до Радзвилова 25 верст. Это также очень небольшое местечко, на высоте, среди болот.

Взгляни на хорошую топографическую карту – и увидишь, что большая часть герцогства занята болотами. Летом, по удобопроездимости мест, сторона сия весьма способна к оборонительной войне. Надобно быть русским и воевать в самую лютую зиму, чтоб проходить везде. – Вся здешняя сторона населена мазурами. Люди сии подобны лесистой природе своей. Мужчины великорослы, сильны, пасмурны и бледнолики; женщины же вообще очень стройны и пригожи. Любимый цвет мазуров – синий. Они синеют с ног до головы. – Не думаешь ли ты, что мы идем по неприятельской земле, как грозные завоеватели; что ужас предшествует нам, а опустошение нас сопровождает? – Нет! Нас, по всей справедливости, можно назвать рыцарями. Их мужество и добродетели стали теперь нашими. Мы угрожаем сильным и защищаем слабых. Вера, законы и собственность народа для нас священны. Государю угодно было распространить благодать свою даже на неприятелей. Изданы приказы и объявления, в которых Главнокомандующий ручается за безопасность народа и приглашает светские и духовные начальства не оставлять ни домов, ни обязанностей своих, обещая всем и каждому помощь и защиту. Солдаты наши в полной мере исполняют волю государя. Львы в боях, они кротки как агнцы в хижинах безоружных поселян.

P.S. Сейчас получено известие об успехах оружия российского на Висле и далее. Кенигсберг и Мариенвердер взяты графом Платовым и генералом Шепелевым.

8 января. Деревня Малый Плотен

Зимняя стужа и здесь весьма ощутительна. Надобно быть детьми Севера, чтоб переносить суровость сего времени года с таким терпением, как ваши войска. Завтрашний день авангард имеет здесь роздых.

9. Оттуда же

Признайся, любезный друг, что до сих пор ты не имеешь еще ясного понятия о нашем движении. Куда мы идем? Как? С каким намерением? – Судя по кроткому обхождению нашему с жителями, кажется, что мы в самое мирное время переходим с квартир на другие. Но, судя до тому, что вошли в неприятельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы берем все должные предосторожности: имеем свой авангард, составленный большею частью из кавалерии, под командою барона Корфа; имеем арьергард и летучий отряд под начальством храброго графа Палена, надежно прикрывающий наше боковое движение. Я скажу тебе еще более: мы имеем перед собою неприятеля. Нередко сталкиваемся с ним, вступаем в переговоры, спорим, шумим, ссоримся – но не деремся! Часто уже и ружья заряжены, и штыки наостроены – а сражения нет. Так воюем мы с австрийцами: и это-то называется бескровная, или политическая, война. Но так могут воевать только два народа, сотворенные быть вечными друзьями, одною необходимостью вовлеченные в бурю всеобщего раздора. Однако ж сей род войны требует великой осторожности, терпения и большой способности к переговорам и переписке. Надобно прежде предлагать, потом убеждать, а наконец уже грозить, но чтоб это было все к стати, у места. Получив известие, что австрийцы заступают нам дорогу, тотчас посылают объявить им, что авангард российский идет в больших силах, хотя в самом деле он очень невелик; что вся армия готова подкрепить его; что сопротивление их будет совершенно бесполезно и кровь пролита напрасно и проч. Слова подкрепляются действием: обходят фланг австрийцев, и они, имея через то достаточную тактическую причину к отступлению, совершают оное, несмотря на упорство надзирателей своих – французов.

P.S. От Радзвилова до деревни Плотска места довольно открытые и холмистые. Остроленко остается у нас слева за Наревою. Около сего городка дремучие леса, известные под названием Остроленской пуши. Извещательные посты наши по сею сторону реки; неприятельские по ту.

Те, которые видели генерала Милорадовича в огне сражений пылким, неустрашимым, ужасным истребителем неприятельских полков, дивились его хладнокровию, искусству, прозорливости и великому благоразумию в сей новой для него и для России войне. Это подтверждает истину аббата Сабатье⁷⁴, что здравый ум может быть способен ко всему.

13. Деревня Худек

10, 11, 12 и 13-го прошли мы чрез деревни: Хлудни, Станиславово, Дрозжево и Худек. Вся сия дорога вообще гориста и покрыта лесом. Здесь генерал Корф имел переговоры с австрийским генералом Фрелихом. Генерал Милорадович посылал также к ним с особыми тайными поручениями начальника авангардного штаба полковника Сипягина. Вследствие сих переговоров австрийцы уступили нам всю дорогу до самого местечка Прасниц; и даже большой магазин в сем местечке, сдав оный во всей целости занимавшемуся на то время заготовлением впереди продовольствия для авангарда Московского ополчения майору Павлову.

14 января, местечко Прасниц

Авангард вступил в Прасниц. Это местечко только в 80 верстах от Варшавы. Все здешние евреи с распущенными хоругвями, хлебом и солью встретили генерала Милорадовича. Их

⁷⁴ Аббат Сабатье (1682–1742) – французский монах и теолог, критически изучавший Библию.

радость неописана. Бедные! Пленение французское не легче было для них, как для предков их Вавилонское!.. Теперь, по причине их повсеместности в Европе, они оказывают нам большие услуги, доставляя отовсюду весьма важные и верные известия.

Прасниц – довольно изрядное местечко на одной из больших дорог из Пруссии в Варшаву.

Но что сказать вообще о герцогстве Варшавском? – В короткое время пребывания своего под властью прусского правительства получило оно самое выгодное для себя образование. Повсюду встречаете вы плоды благотворительности этого умного и попечительного правительства. Везде видите по плану выстроенные деревни. У крестьян прекрасные светлицы с большими каминами, которые их освещают и греют. – Отчего ж они здесь лучше, нежели во всей Польше? Кто строил их? – Король! Хотите знать средства его? Вот одно из главнейших: каждый поселянин платит в казну от 3 до 5 злотых с избы, что составляет страховую пожарную сумму. В частности это почти ничего, в сложности – много. Из сей-то суммы каждый погоревший крестьянин получает 500 злотых и строит себе прекрасный дом. Таким образом многие уже деревни и города в лучшем и прекраснейшем виде возродились из пепла после пожаров.

Герцогство Варшавское разделено на префектуры и департаменты. В каждом городе, если он не главный в префектуре, находится подпрефект, по-нашему, исправник. Герцогство имеет свои деньги.

Прасниц, 15 января

Сегодня генерал Милорадович осматривал проходившие войска 4-го и 7-го корпусов. Веселый вид солдат, их бодрость и свежесть лиц не показывали, чтоб они перенесли столь много неслыханных трудов, пройдя великое, необъятное пространство от Оки до Вислы в беспрерывных сражениях и победах, среди лютейшей зимы. Седьмой корпус обратил на себя особое внимание. Генерал Паскевич, при громком барабанном бое и веющих знаменах, провел его быстрым и смелым шагом. В остатке этого корпуса виден был тот же жар и дух, с каким истреблял он колонны Нея под Красным. – Артиллерия наша тянулась через местечко бесконечным гужом.

Сегодня получено известие, что Данциг, в котором заперся генерал Рапп, обложен нашими войсками. Кенигсберг, Мариенбург и Мариенвердер взяты; 15 тысяч пруссаков отклонились от французов к нам. Кажется, что Пруссия вся с нами. Ранье с 20 тысячами, составленными из французов, поляков и саксонцев, бродит около Варшавы; может быть, вздумает защищать ее. Но колонны нашей главной армии, ни на что несмотря, обходят Варшаву и спешат занять все герцогство.

16. Прасниц

В авангарде нашем последует некоторая перемена. За два перехода отсюда отделится от него часть издавна в нем находившихся войск; а присоединятся идущие из Венгрова корпуса генерал-лейтенанта Сакена и князя Болконского. Все это вместе составит до 30 000 войск, которые генерал Милорадович, переправив в разных местах через Вислу, введет в Варшаву со стороны, противоположной Праге. Модлин, эта вновь сооруженная Наполеоном на выгоднейшем месте, при слиянии Вкры с Бугом и Буга (принявшего у Серотска реку Цареву) с Вислою, крепость будет обложена. Часть польского народного ополчения, называемого коссиионерами, находившаяся в Плоцке, поспешно ушла за Вислу Калишской префектуры в городе Пиотрков.

17 января. Прасниц

«Теперь или никогда, в глазах целого света, должны вы показать привязанность вашу к родной стране, любовь к свободе и то, что вы достойны имени поляков: имени, которое предки ваши с такою честью и славою носить умели». – Так восклицает к народу Игнаций Ежевский,

генерал и маршал от народного ополчения в департаменте Плоцком. Надобно знать, что в это время поляки, у которых и зимние бури не могли еще остудить голов, задумали сделать во всем герцогстве древнее посполитов рушенье, то есть поголовное народное вооружение. Он продолжает: «Слышите ли, благородные поляки! Звук трубы, зовущий нас под отечественные знамена для защиты родной земли!.. Друзья и братья! Настала минута, в которую должно всем жертвовать, на все отважиться, – минута кровавых боев... Стыд и горе тому поляку, который предпочтет спокойствие и цепи рабской жизни трудам и смерти за спасение растерзанного отечества! Я в третий уже раз приемлю начальство над ополчением народным, и всегда в такое время, когда бури потрясают отечество. Последуйте за мною! И проч., проч.» – Но поздно!.. Это все равно, когда бы кто-нибудь сзывал народ спасать, дом, в котором цела одна только половница, на которой он стоит, а все прочее поглощено пламенем. Теперь уже не время играть рыцарские драмы. Полякам не на кого пенять в утрате государства своего, кроме самих себя. Тем ли думать о свободе, которые, раздвинув прежде на столь обширное пространство пределы земли своей, лежащей по несчастью в самой середине Европы, и огорчив через то большую часть держав, вдруг предались праздному бездействию извне и раздорам внутри? Роскошь, пороки и нововведения нахлынули к ним со всех сторон. Древние нравы истлели. Твердость духа развеялась вихрями нового образа жизни. Народ оцепенел. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цветах, пробуждается обыкновенно бурями. Нет! Не это земля свободы! Свобода хранится и цветет в области уединенной, немногочисленной, за хребтами высоких гор, среди дремучих лесов. Мы любим слушать Галгака или Арминия⁷⁵. Первый на диком острове, под бурями Северных морей, не колеблется даже и в то время, когда варвары гонят его к морю, а море отвергает к варварам; когда приходится ему умереть или от воды, или от железа. Другой, в древних лесах Германии, дик, грозен, но тверд и величественен, стоит по колени в болоте, под мрачным склоном вековых деревьев, и скликает полудикие племена на расторжение неволи. В горах Краковских, в болотистых лесах герцогства Варшавского могли бы еще поляки сберечь свободу свою, но это не теперь, а в давно прошедшем времени.

⁷⁵ Арминий (I в.) – вождь древних германцев, победитель римской армии полководца Вара в Тевтобургском лесу (9 в. н. э.).

Заграничный поход русской армии. Битва при Люцене.
Художник К. Рехлинг. XIX век

18 января

Случалось ли тебе видеть, как знатные господа, промотавшие все свое имение, по старой привычке роскошничать заказывают еще обеды, пиры и праздники, не имея уже копейки в кармане? Так точно поступает Наполеон. Растеряв всю свою армию, насылает он из Парижа с нарочными курьерами повеления, куда идти корпусам, где зимовать большой армии и проч. Он велит вооружать те области, которые давно уже нами заняты; защищать те города, которые в ваших руках. Все большие дороги наполнены нашими войсками. Везде хватают парижских гонцов и громко смеются над гордыми повелениями великого вождя невидимых сил. Известно, что Наполеон, доехав в Париж под почетным именем Коленкура, объявил Сенату большую часть своей потери, уверяя притом, что вся русская армия побита им наголову, а ему повредил один только суровый климат. Пусть он говорит, а мы будем делать. История и потомство рассудят.

Пусть он обманывает французов: но надолго ль? Скоро, скоро нежные матери, отцы и друзья, не получая так долго вестей о милых сердцу своему, домыслятся и восстенают о гибели их. Напрасно юные жены под прелестным небом Южной Франции томятся желанием увидеть супругов своих и часто в приятных мечтаниях утренних снов простирают к ним объятия; напрасно отцы наряжают великолепные дома для приезда сынов своих – уже не придут они: мертвые не воскресают. Они пали на кровавых полях от Оки до Вислы, и груды костей их тлеют в чуждой земле. Франция! Наполненная шумом забав и песнями радостей, готовься ныне к ударам смертной горести! Недостанет траура и слез для столь многих потерь. А ты, о Россия, о мое Отечество! Торжествуй великое празднество твоего освобождения, покоясь на лаврах и трофеях спасителей своих! Долго не изгладится из памяти народов ужасная гибель дерзающих на тебя!..

21. Местечко Плонск

Очень порядочное местечко. Здесь можно найти в лавках отличной доброты сукна и прочие хорошие товары; а погреба славятся прекрасными, беспримесными винами. Модлин, находящийся отсюда только в двух милях, решился защищаться. Вчера видно было большое зарево. Комендант сжег предместья и заперся в крепости. Генерал-майор Паскевич с 7-м корпусом пошел окружать ее. Горсть поляков, запершаяся в Модлине, конечно, не принесет никакой пользы своему отечеству, не сделав ни малейшего помешательства и нашим движениям. Но может быть, сии затворники хотят заслужить местечко в истории. Недавно был у них совет. Некоторые предлагали сдать крепость, говоря, что русские могут ее сжечь. «Я тогда разве сдам ее, – гордо отвечал комендант, – когда платок в кармане моем загорится!»

22 января

Мы все в Плонске, и еще, может быть, простоим; а причина? – Австрийцы! Спорят, упрямятся, не хотят отдавать нам Варшавы. Впрочем, они не виноваты: Ранье и поляки не дают им покоя, представляя, что они бегут от горсти русских; что, совокупись с ними, могут защищать Варшаву, что у Милорадовича не более 5000 войск, а их наберется до 30 000. В самом деле, авангард наш, отделив от себя некоторые полки и не соединись еще с Волконским и Сакеном, едва ли имеет 5000.

23 января

Хитрость в войне необходима. Она то же, что механика в общежитии: ею заменяется слабость сил. Сегодня пустили мы порядочно пыль в глаза полякам. Понятовский вздумал прислать к нам своего адъютанта, будто для пересылки писем к пленным, а в самом деле для узнания силы нашего авангарда. Австрийцы намекнули нам о сем из-под руки. Генерал Милорадович приказал тотчас горсть пехоты своей рассыпать по всем деревням, вдоль по дороге лежащим, коннице велено переезжать с места на место, появляться с разных сторон и тем число свое увеличивать. А пушек у нас так много, что их и девать негде было. К счастью, в сей день, как нарочно, заехал к нам генерал Дохтуров, которого корпус неподалеку проходил. Накануне прибыли генерал-лейтенант Марков и князь Горчаков; последний привел с собою не более 400 человек. Тут же находился и генерал Уваров, командовавший кавалерией авангарда. Адъютант Понятовского, белокурый, высокий, бледный, топкий молодой человек, в предлинных ботфортах и в прекоротком мундире, прибыл к обеду. За столом сидело до десяти генералов. К крайнему удивлению, видя между ними четырех, которые, имея по три звезды на груди, всегда командовали тремя большими корпусами и сделали имена свои известными, адъютант Понятовского подумал, что все их войска тут же вместе с ними. Войска авангарда, искусно по дороге расставленные, и великое множество пушек утвердило его в этом мнении. И таким-то образом этот тайный посланник Варшавы возвратился с известием, что генерал Милорадович может устремить против нее, по крайней мере, 30 000 штыков: а русские штыки памяты Варшаве!

24 января

Я забыл сказать тебе, что на сих днях приехал к вам из Главной квартиры известный дипломат, наш барон Анштет. Сегодня имел он переговоры с австрийским полковником Латуром, присланным от князя Шварценберга. Дипломатика есть также война: спором и упорностью, нераздельною, однако ж, с благоразумием, многое можно к пользе своей выиграть. Чтob быть хорошим дипломатиком, надобно иметь надежную память, острый ум, знать твердо политическую историю своего Отечества, историю Европы и целого света. Разумеется, что знание языков необходимо. Наконец Варшава сдастся! Барон Анштет сделал условия сей сдачи. Генерал Милорадович утвердил их. Они весьма выгодны для нас. Все больные и раненые французы,

которых в Варшаве считают более шести тысяч, должны достаться нам военнопленными. Все магазины, арсенал и прочие заготовки сданы будут нам в целости.

Барон рассказывал за верное, что в Вене уже начинают пробуждаться умы. Те, которые верили всемогуществу Наполеона, выходят из заблуждения. Истина осмеливается возвышать голос свой, указывать на раны Германии, на собственные свои, представлять бедствие народов, разорение областей. Уже имя Наполеона произносится с негодованием. Ропот слышен в домах; народ шумит на улицах; общее желание – мир с Россией, война вратам ее. Так мыслит народ; но Двор еще молчит. Насмешники наводняют столицу карикатурами; жители утешаются ими. Некто прибил на вратах Соборной церкви в Вене следующее объявление: «Великий Наполеон по дороге от Москвы к Вильне растерял 350 000 франков: кто найдет и представит в Париж хотя часть оных, будет щедро награжден!»

25. Поутру

Вчера ввечеру переправились мы через Вислу у деревни Вульки, где она в широте равняется с Невой. Берега Вислы в сем месте наполнены оврагами и скалами, высокими елями покрытыми. По тайному условию с князем Шварценбергом нам должно обойти Варшаву, стеснить ее со всех сторон и таким образом принудить его к выступлению, а ее к сдаче. Посему мы продолжаем косвенное направление наше до деревни Бортженцин.

25. Ввечеру. Деревня Бортженцин

И так мы увидим Варшаву, будем в ней и, конечно, остановимся отдохнуть. После столь многих трудов, после претерпения столь многообразных нужд: стужи, голода и повсечасных беспокойств, как бы приятных для тех, которым в течение нескольких месяцев постелью была влажная земля, покровом – бурное небо, отрадою – дымный полевой огонь, – как приятно, говорю я, успокоиться в большом роскошном городе, в светлых домах, в обществе людей, где цветут еще приятные искусства, где после шума ветров и свиста пуль можно услышать прелестный голос женщины или очаровательные звуки музыки!.. Да! Нам надобно отдохнуть в Варшаве, надобно потому, что все этого хотят. Впрочем, мы часто хотим того, что нам вредно. Все сие зависит от Князя Светлейшего: он наше земное провидение!..

26 рано. – В двух милях от Варшавы

Утро было прекрасно. Уже несколько дней, как зима здесь ощутительно смягчилась. Солнце великолепно сияло на голубом небе. Снег таял, и в воздухе слышно было дыхание весны. Тайное желание увидеть, хотя издали, столицу Польши щекотало любопытство мое. Я вышел посмотреть на здешнюю природу и на Варшаву. Обширное, ровное поле расстилалось с сей стороны до самого города. Острые верхи башен, церквей и некоторые дома мелькали на горизонте. Дым из тысячи труб свивался в седые тучи. Нам нельзя еще было вступить в Варшаву; но воображение не знает оков невозможности; для него нет ни застав, ни караулов. Без позволения и билета очутилось оно в ней, теснилось в толпах народа, бродило по улицам, заглядывало в Прагу, искало следов великого Суворова, носилось над Вислою и любовалось великолепною мрачностью столицы. О! Воображение – великий чародей! Подивись нелюбопытству здешних поселян: живя в двух милях от Варшавы, они не бывают в ней по целым годам; а дочь хозяина моего, лет пятнадцати девушка, уверяет, что еще сроду в ней не была. Счастливая беспечность! Она есть надежнейшею оградою чистых нравов, для которых столица – гибель!..

26. Около вечера. Мокатово

Прекрасный замок вдовы фельдмаршала князя Любомирского, той самой, которой принадлежит Ландс-Гут. Дом убран с большим вкусом. В нем есть целые зеркальные комнаты, бронзы, мраморы и проч. Сады обширные, с красивыми беседками и домиками. Вот несколько

слов собственно о Мокатове. Теперь расскажу тебе о том важном и для истории незабвенном происшествии, которому мы сегодня были здесь свидетелями. Я хочу сказать о покорении Варшавы, приславшей сюда ключи свои. В первый еще раз в жизни был я при таком обряде. Суэта, шум и волнение, сопровождавшие оный, имели в себе что-то похожее на свадебные сборы. С самого еще утра начали взаимно пересылаться; конные гонцы скакали взад и вперед. Анштет был в страшных хлопотах. Условливались о месте, часе и порядке вручения ключей. Принять их назначено в Мокатове в два часа пополудни. К сему времени все мы в нарядных мундирах собрались в небольшом садовом домике, где остановился генерал Милорадович. Тут было человек 12 генералов. Пред крыльцом стоял в строю прекраснейший эскадрон Ахтырского полка: зрители пленялись его картинным видом. Ровно в два часа передовой посланный возвестил скорое прибытие депутатов. Любопытство подвинуло всех к окнам. Сперва показали вершники из Польской народной гвардии, и вдруг богатая карета, восьмью английскими лошадьми запряженная, сопровождаемая отрядом сей же гвардии, загремела и остановилась у крыльца. Эскадрон отдал честь. Вслед за первой подъехала такая же другая. Эскадрон повторил приветствие. Префект Варшавы, мэр, подпрефект, два члена духовенства, бургомистр и еще пять или шесть человек в нарядных шитых мундирах, с разноцветными перевязями через плечо, собрались на крыльце. Двери настезь! – И гости вступили в комнату. Между ними находился тот самый старик, который вручал ключи Суворову. Толпа отшатнулась – генерал Милорадович выступил вперед.

«Столица герцогства Варшавского, в знак миролюбивого приветствия победоносному русскому воинству, посылает сие», – сказал префект, поднося хлеб и соль. «Вот и залог ее покорности знаменитому оружию всеавгустейшего императора Александра Первого», – прибавил мэр, подал знак – и старец вручил генералу золотые ключи. Все поклонились очень низко. У некоторых блеснули слезы на глазах.

Генерал Милорадович отвечал со свойственным ему благородством и красноречием. Он говорил между прочим, что для государя, который подымлет меч только для расторжения оков, воюет для мира и покорять народы желает одною благостью, ключи сии будут тем более драгоценны, что они не обагрены кровью. «Ваши храмы, законы и самые обычаи, – продолжал он, – останутся неприкосновенны. Пища кроткой души императора – благотворение. Первым доказательством попечения его о Варшаве есть уже то, что он освобождает ее от постоя. Все войска расположены будут в окрестных селениях и на полях около города; но дабы не обременить участи поселян, городские жители постараются доставить войскам нужное продовольствие. О сем сделаем особое постановление. Так действует государь мой, – говорил генерал. – Мщение чуждо великой душе его. Он не желает проливать кровь за кровь и платить разрушением за разрушение; и для самых виновных отложил он суд свой, карая их одною милостью». «Александр Первый хочет жить для истории», – прибавил дипломат Анштет – и все кончилось. Депутаты уехали, назначив завтра в 10 часов собрание в замке Виланов. Ключи тотчас отправлены были к государю с полковником Сипягиным, начальником штаба по авангарду.

Мы пересекли все дороги из Варшавы и Модлина. Беспреданно приносят с передовых постов в квартиру генерала Милорадовича чемоданы с письмами, отправленные по почте. Воинская осторожность велит читать все, что пишется в Варшаву и из Варшавы. Много есть писем из разных мест Франции, Италии и Германии. По надписям все почти принадлежали знаменитой покойнице – большой французской армии. Много в них есть смешного, жалкого. Вообще странно в окрестностях Варшавы узнавать все сокровеннейшие тайны семейств, живущих в Париже, Вене или Касселе. Есть много прекрасных писем. Когда-нибудь я тебе пришлю их кучу. Между прочим, попалась мне целая любовная переписка одной Шарлоты, жительницы Наполеонс-гиогге, что близ Касселя, с каким-то Людовиком, капитаном Вестфальской гвардии. Перехватные письма и глаза невидимок, которых рассылаем в разные стороны, доставляют нам весьма нужные сведения: мы узнаем задушевные тайны наших неприятелей. Недавно изумил я

одного выходца из Модлина, рассказав ему, сколько в крепости улиц, сколько ворот, имена тех и других; сколько магазинов, с чем именно, чем они крыты; где хранится порох, сколько каких войск и каких полков; сколько у них колодцев, когда и в котором испортилась вода; в какие дни пекут они хлеб и когда терпят большой недостаток в воде. Наконец, рассказал ему свойства коменданта, его занятия, его связи, – даже имя любовницы его! – Все это узнается через некоторые посредства. В войне необходимо иметь свои глаза и свои уши в стане неприятельском: чем вернее видишь и слышишь, тем надежнее разишь. Распознав места и выщупав силы неприятеля, почти можно ручаться за успех.

27. Виланов

Приметил ли ты, как мы, имея Варшаву центром, движением нашим описывали около нее дугу, переходя из одного места в другое, делая приготовления, скрывая намерения свои и в город не вступая? Так ходит темная буря над селами и пугает земледельцев, грозя рассыпать губительный град. Австрийцы уже давно выступили из Варшавы; а мы еще не занимаем ее. «Для чего же мы медлим, скоро ли вступим? Или еще не решена судьба Варшавы? Что будет с нею?» – так все спрашивали, и никто не отвечал. «Что будет с Варшавою?» – спрашивали у барона Анштета. «Один бог и Александр знает про то», – отвечал он с таинственным видом. Поляки все это знали, чувствовали и трепетали. Они видели, что мрачная туча носится над их головами, и не знали, благотворительным ли дождем или палящими молниями разрешится она. Вчерашний день облегчил их от тяжкого бремени сомнений. Все это сделано было, однако ж, очень кстати; ибо страх над волнующимися умами народа имеет действие стужи, сжимающей бурные волны рек и озер. Между перехваченными письмами нашли мы одно, в котором уведомляли, что весь арсенал Варшавский роздан народу. К чему бы, например, это? Теперь велено сносить, и сносят все это оружие в Виланов. Офицеры наши не иначе могут въезжать в Варшаву, как по билетам, и то со строжайшим запрещением в ней ночевать. Впрочем, Варшава, как говорят, очень нам рада и гораздо охотнее желала бы иметь войска наши в себе, нежели около себя. Но куда отпрощусь в Варшаву, спешу осмотреть прекрасный здешний замок.

Виланов

Древний замок короля Собиеского, который в 1683 г. выручил осажденную турками Вену. Теперь принадлежит он молодому Станиславу Потоцкому. Это подлинно королевский замок! Какое величие в расположении, в зодчестве, в уборах! Стенная живопись прекрасна. Лепной работы множество. Две большие галереи наполнены картинами, в числе которых есть прекрасные, драгоценные, наприм.: Пуссеневы сельские виды; все семейство Собиеского; сам он на коне. Прелестная Собиеского жена представлена здесь в разных видах: в одном месте видишь ее прекрасною пастушкой, сидящей над чистым ручьем и в зеркале вод поправляющей свой цветочный наряд; в другой картине видите вы ее прелестным ангелом, летающим под голубыми небесами. Жаль, что нет здесь картины, представляющей самого Собиеского в торжественный час освобождения Вены. Здесь более всего портретов. Прекрасные женские лица стоят подле усатых, железными латами покрытых и лаврами увенчанных поляков. В таком наряде они были героями. Вместе с латами и кунтушами⁷⁶ сложили они с себя древнее мужество и твердость душ.

Варшава

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный город. Летом может она назваться цветущею. Есть много огромных палат, дворцов; но мало таких, которых бы наружность поражала блеском и великолепием. Следы времени не заглаживаются здесь стараниями

⁷⁶ Кунтуш – польский кафтан.

людей. Одно только мирное время сзывает искусства для украшения и обмены городов; а Варшава с давних уже лет, как древо на высокой скале, была жертвою бурь и непогод. Лучшие трактиры: Виленский, Гамбургский, Английский и Дрезденский. Все знатные оставили столицу, хотя русские и вошли в нее как друзья. Днем народ толпится на площадях; по вечерам пустота и уныние пугают на улицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.